

Сотник. Кузнечик

Автор:

[Евгений Николаец](#)

Сотник. Кузнечик

Геннадий Николаец

Евгений Сергеевич Красницкий

ОтрокСотник #5

Чего Михаил Ратников никак не мог предвидеть, так это того, что перепуганный мальчонка-христианин из-за болота подложит ему такую свинью. Ну, или наоборот, окажется подарком судьбы – это уж как посмотреть. Впрочем, поначалу никому в крепости и в голову не могло прийти, что за «неведому зверушку» привезли разведчики из лесу.

Промокший, голодный мелкий сирота – что в нём такого? И вообще, эка невидаль – бежавшие из языческих земель христиане, пусть и мастеровые из дальней слободы. Деда задрал кабан, его не расспросишь, мальчишка ещё и до подмастерья не дорос, да и знать ничего не знает – откуда? Ни опасности, ни пользы пока что. Не выгнали из жалости, и на том спасибо.

Потому к Мишке на беседу Тимка так и не попал. Вначале бояричу было просто не до него, а потом – почти сразу – на Ратное напали ляхи, и пришлось Михаилу Ратникову уйти в поход, так и не узнав, что за мина замедленного действия из-за болота осталась у него в крепости. И как она «рванёт» без должного присмотра. А разгребать всё это досталось старосте Аристарху, что само по себе сулило бояричу дополнительную головную боль после возвращения – отвечать на непростые вопросы и расплести заковыристые узлы, каковые при Тимкином активном участии непременно заплетутся и в мозгах, и судьбах обитателей крепости.

Евгений Красницкий, Геннадий Николаец

Сотник. Кузнечик

© Евгений Красницкий, 2020

© Геннадий Николаец, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Авторы сердечно благодарят за помощь и советы своих помощников-ридеров: Дениса Варюшенкова, Юлию Высоцкую, Сергея Гильдермана, Геннадия Николайца, Юрия Парфентьева, Павла Петрова, а также пользователей сайта <http://www.krasnickij.ru>: deha29ru, Andre, Дачник, BLR, Ульфхеднар, Ротор, leopard, Скиф, Marochka77, Laguna, arh_78, sanyaveter, nekto21 и многих, многих других.

Предисловие

Неумолимое тиканье часового механизма в mine, установленной под вашим креслом... Змеиное шипение шнура, по которому подбирается огонь к бочке с порохом, и вы, сидя на ней, тревожно прислушиваетесь к этому вкрадчивому голосу смерти... Первые струйки дыма из-под крыши дома, где вас заперли... И боярин Журавль, и его воспитанник Данила, и староста Ратного Аристарх поразному представили бы ситуацию, что сложилась в Погорынье после похода ратнинцев к соседям, за болото, но сошлись бы в одном – это игра со смертью.

Сотня, а за ней и Младшая стража Мишки Лисовина ушли выгонять ляхов из Туровского княжества, боярин Журавль всё ещё не вернулся из дальнего

похода, и сразу же нашлись силы, которые затеяли свою игру. Игру страшную и кровавую, способную разжечь вековую вражду. Зачем? А зачем мелкий воришка, убедившись в своей безнаказанности, поджигает деревню? Чтобы люди, собравшиеся тушить пожар, не мешали ему заниматься делом его жизни – тырить мелочь по карманам, если говорить словами нашего современника.

Но, может, дело не в мелких жуликах, готовых поджечь село, чтоб украсть верёвку, которой привязана к забору коза? Возможно, дело в бабочке Бредбери, что изо всех сил машет своими крылышками, пытаясь уничтожить даже след начинающихся в погорыньских болотах событий?

История – упрямая тётка. Самая лживая и упёртая из всех Муз. Она очень неохотно открывает свои тайны, всячески благоволит тем, кто её врёт, и яростно сопротивляется тем, кто хочет хоть как-то сдвинуть её с места. А ещё История не прощает тех, кто способен её изменить. Она стремится уничтожить их, а потом долго пляшет на их могилах.

Немногим оставшимся в Ратном жителям, по большей части бабам, детишкам да увечным воинам, предстоит выяснить, что же такое пряталось там, за болотом, что они не смогли ни увидеть, ни понять, и за что История сейчас готова обрушить на них гнев мстительной и донельзя раздосадованной богини. А всего-то в ответ на высокомерно оброненное «Так не бывает!» Муза услышала весёлое и дерзкое «Да без проблем! Сделаем!», брошенное непоседливым и неуёмным мальчишкой, которого отроки Младшей стражи нашли на тропинке, ведущей с той стороны болота.

Вряд ли староста Аристарх ожидал выяснить у пацана что-то важное, но порядок есть порядок, потому и уделил время разговору с мальцом. Да и наставник Макар, к которому первому попал Тимка, тоже не слишком многого ждал от такого «приобретения». Но в этом-то и проявляется талант руководителя: за простым событием разглядеть мерзкую подляну, которую готовит История, а за ней, в свою очередь, – увидеть Шанс. В том и состоит талант воспитателя: не отмахнуться от щенячьих глупостей, а услышать за ними первые раскаты грома, способного заставить отступить – пусть хотя бы на чуточку! – вцепившуюся в свою версию событий престарелую, но оттого очень злопамятную Музу.

Что до автора... При работе над книгой я часто слышал в адрес моего героя: «Таких не бывает!» Но при этом я всегда вспоминал всех попаданцев – не выдуманных, а тех, кто попал в нашу с вами реальность, кто сумел бросить в лицо Истории «Да без проблем!» и заставил её утереться. Тех, кто дошел до Берлина, таки поднял ту чёртову целину и спокойно, без пафоса сказал: «Поехали!» Тех, на чьих костях сейчас пляшет эта неугомонная стерва Клио.

А ещё автор выражает благодарность всем, кто так или иначе вложил часть души, знаний или работы в моих героев. В первую очередь, Вадиму Надеждину, подарившему мне идею Кузнечика и под присмотром которого я начинал писать первые главы этой книги. Евгению Красницкому, создателю Мира Отрока, одному из самых сильных учителей, кого мне повезло встретить в жизни. Соавторам, а теперь и авторам мира Отрока – Елене Кузнецовой и Ирине Град, которые помогли Тимке занять свое место в Мире. Кхе... Даже из книжных героев мало кто может похвастаться, что у него есть две мамы.

Ещё спасибо ридерам и консультантам, которые помогли вычитать текст и выловить из него множество ошибок – Денису Варюшенкову, Юлии Высоцкой, Сергею Гильдерману, Юрию Гамаюну, Наталье Немцевой, а также коллегам с сайта Евгения Красницкого – Crusader, Sll, nekto, Саневетру, Андре, Имиру, Дачнику, Ульфхеднару и многим другим, помогавшим в работе над текстами. Ещё есть ученики Юрка и Лёшка, с которых и был списан мой главный герой. Особенно прикольно было знакомиться с «внучатыми учениками».

Отдельная благодарность Анатолию Спесивцеву, чья поддержка не позволила новичку забросить трудный текст. Спасибо! И от меня, и от самого Кузнечика.

И последнее моё спасибо мальчишке, которого я никогда не встречал, но, тем не менее, его история сильно повлияла на историю моих героев. Саша Лаврентьев. Маленький поэт, он уже в десять лет писал стихи, до которых расти и расти иным взрослым. В пятнадцать он написал стихотворение, которое я по разрешению и просьбе его матери использую в тексте «Кузнечика». В шестнадцать он умер, потому что одна клиника и одно министерство не успели договориться о том, на каком языке должен быть выставлен счёт за лечение – на русском или украинском. Сопляк? Да. Но таким сопляком может гордиться любой народ. Последняя книга, которую он держал в руках, был «Отрок» Евгения Красницкого. Пусть будет тебе весело в другом мире, Младший, и пусть твой новый Мир будет добр к тебе!

Не суди строго, читатель, и не говори, что таких мальчишек и девчонок нет и быть не может. Эта книга именно о тех Младших, которые часто уходят, так и не успев доказать, что они БЫВАЮТ.

Часть первая

Отступление 1

Питер, онкологическая клиника Весна 20XX года

– Ну, Максим, пожалуйста, поговори с кем нужно, мы ведь заплатим сколько надо, любые деньги. Ну, не может быть, чтобы ничего нельзя было сделать. Сейчас всё могут, если захотят!

Максим Леонидович устало снял очки, высмотрел на них несуществующее пятнышко, достал из кармана специально припасённую салфетку и начал задумчиво тереть стёкла. Идеально чистые линзы скрипели, возмущались, но никак не хотели становиться хоть на йоту прозрачнее.

– Ну, что ты молчишь! Скажи хоть что-нибудь! Сделают они ему операцию или нет? Это же твой племянник, в конце концов. Единственный племянник, других не будет... – Скомканный платок в судорожно сжатых пальцах прижался к губам.

Профессор, ещё раз оценив свои усилия, надел очки, беспомощно взглянул на мужчину, застывшего в соседнем кресле, и тяжело вздохнул, понимая, что сейчас скажет своей собеседнице то, что она сама знает, но боится услышать именно от него.

– Они сделают операцию, Тома. Они её уже назначили. Они сделают её лучше, чем кто-либо. Это не те люди, которые хоть что-то делают плохо. Они сделают всё, что можно, и неважно, заплатите вы им «сколько надо» или нет. Их совесть

будет чиста.

Максим Леонидович снял очки, сложил, попытался засунуть в нагрудный карман явно чужого халата, промахнулся и начал вертеть их в руках, нещадно марая сверкающие линзы.

– Это саркома, Том, – профессор наконец решился посмотреть в глаза сестре. – Она убивает очень быстро. Они вчера хоронили девчущку... Шесть лет. Ещё неделю назад хвасталась, что будет жить целых три года после операции.

Сдавленный всхлип Тамары, прорвавшийся через платок, заставил учёного опустить голову.

– Совсем ничего нельзя сделать? – коротко, с чуть заметным восточным акцентом, спросил мужчина.

– Видишь ли, Айрат, – профессор опять надел очки, на этот раз абсолютно не озаботившись их чистотой, – ничего нельзя было сделать уже тогда, когда вы передали результаты анализов. А обследование всё только подтвердило.

– Сколько?

– Полгода.

Айрат чуточку прищурил глаза, став очень похожим на своего отца, каким его запомнил профессор. Старый башкир, категорически отказывавшийся переезжать в город, к детям, казалось, не имел определённого возраста, и Максим Леонидович был уверен, что Айрат, чуток погодя, станет точной копией Деда, как называли старого кузнеца в поселке все, включая его собственных детей.

– А Димка всю весну носился, чтоб через полгода на свой фестиваль поехать.

Проф неожиданно заинтересовался.

– Кузнецы?

– Реконструкторы, – Айрат невесело усмехнулся. – Но оружие он сам делает. Хорошо делает.

– Ты учил? – Максим Леонидович опять снял очки и с интересом посмотрел на зятя.

– Ковать? – Айрат расслабился в кресле впервые за время разговора. – Ковать учил Дед. Я учил по клинку резать. Умеет.

– Хм... А что ещё умеет?

Айрат прищурился. Знали они друг друга давно, ещё мальчишками. Жилистый и крепкий башкир взял во дворе негласное шефство над нескладным очкариком, когда узнал, что тот является братом красавицы Тамары – предметом воздыханий всего микрорайона. Потом летом они вместе ездили в деревню к деду Айрата. И если старший из мальчишек вовсю лупил молотком по раскалённым железякам, постигая наследственное мастерство, то Максим доводил деда до белого каления бесчисленными вопросами: а как? а почему? а зачем?

Потом был институт, который ему вряд ли удалось бы окончить без поддержки уже поженившихся Айрата и Тамары. Айрат стал молодым, но талантливым мастером по клинкам и, подрабатывая ковкой, гравировкой, а когда и ювелиркой, более или менее прочно стоял на ногах. Сестра серьёзно занялась текстилем и, отказавшись работать на фабрике, устроилась в художественно-реставрационную мастерскую. Племянник Димка родился, когда будущий профессор поступил в аспирантуру, а после неё молодого кандидата наук привлекли к одному очень перспективному проекту... о котором лучше не спрашивать. И когда наступили лихие девяностые, семья стояла очень крепко, в основном благодаря привитой ещё с детских лет взаимопомощи.

Максим Леонидович в долгу перед родичами не остался. Начав вращаться в кругах, гордо именующих себя интеллектуальной элитой, он познакомил зятя с очень состоятельными ценителями уральского оружия. Потому что если вы не ценитель, то вам трудно понять, почему за работу мастера, известного только узкому кругу эстетов, дают деньги, на которые вполне можно купить двухкомнатную квартиру. Сестрёнка, с подачи уже доктора непонятно каких

наук (табу на разговоры о своей работе Максим установил жесточайшее), поступила на курсы каких-то ткацких искусств и, окончив их, создала свою собственную мастерскую. Профессор постоянно удивлялся, зачем он потратил свою жизнь непонятно на что, если за квадратный метр ткани можно жить полгода. Скорее всего, митрополит дешевле покупать отказывался. Не по чину.

Жена профессора умерла рано, так и не сумев родить, новую семью он не завёл, и племянник Димка остался единственным ребёнком во всём семействе. Вот только сейчас диагноз – саркома. И сделать больше ничего нельзя, ни за какие деньги.

Тамара растерянно смотрела на беседу мужчин, как ни в чём не бывало обсуждавших таланты единственного наследника семейства, и отказывалась понимать, как они могут говорить о приговоренном врачами ребёнке, как будто у него впереди долгое и счастливое будущее. О её смертельно больном ребёнке!

– Да как... как вы можете... Какая механика? Он же умрёт, умрёт через несколько месяцев! Ну, какая разница, знает он башкирский или нет? – наконец не выдержала она.

Айрат откинулся в кресле, устраиваясь поудобней, изобразил свой фирменный прищур и произнес:

– Не суетись, подруга. У профа есть мысль, он её не говорит, но он её думает. Но когда это Максим нам что-то вот так прямо рассказывал? Это ведь по работе? – Айрат остро глянул на профессора, а потом, жёстко ухмыльнувшись, вспомнил фразу из далекого детства: – Не мешай очкарику. Он решит задачку и даст нам списать. Ведь правда?

Глава 1. Найдёныш

Болото на границе Ратного и земель Журавля. Михайловская крепость Начало сентября 1125 года

– Да отпусти ты ветку, вот же ж дурной! Чего ты за неё уцепился-то, и не оторвёшь. Слазь, говорю! – рыжий Федька пытался сдёрнуть с дерева брыкающегося изо всех сил худого, промокшего мальчишку лет двенадцати. – Да не брыкайся ты так, всё уже, подход он. Уй-й!..

Прицельный удар пяткой аккурат в лоб заставил Федьку отпустить мальчонку и отскочить на безопасное расстояние.

– Ты чего творишь, гад! Чуть рожу не свёз... – рыжий поправил съехавший шлем, ремни которого он, конечно же, не затянул, и, обернувшись, заорал: – Яшка! Не слезет он! Сымать надо.

Яков стоял над тушей пристреленного кабана и пытался понять, от чего так намокла рубаха: то ли от пробравшегося под плащ мелкого морозящего дождя, то ли от холодного пота, что стекал по дрожащей спине. Секач, рухнувший возле кустарника, уже перестал дёргаться, но отроки стояли вокруг, опасаясь подойти к крупному зверю. Даже ткнуть его длинной палкой не решались – а ну как не помер, притворяется только, подойдешь, а он и кинется. Кто-то из близнецов прикидывал, не всадить ли ему в ухо ещё один болт, для верности, но без приказа командира не решался.

Яков обернулся на Федькин крик, посмотрел на мальчишку, судорожно пытавшегося подтянуться повыше на ветке дуба, и кивнул Елисею... или Елизару:

– Помоги.

После похода сотни за болото стало ясно, что простой засадой у брода ограничиваться нельзя, и потому на болотной тропе обосновался ратнинский секрет, усиленный хорошо показавшими себя стрелками Младшей стражи. Наставники рассудили, что совмещение приятного с полезным делу не помешает, и объединили урок верховой езды с патрулированием леса, так что каждый день конный разъезд неспешно объезжал лес по краю болота, обращая внимание на следы и наведываясь по дороге в укромные места. Приказ патрульным был дан строгий: в стычки не ввязываться, на рожон не переть, читать следы, а буде кто из захваченных за болотом журавлёвских навострится бежать, то таких выслеживать, вязать и волочь в крепость.

Разведчикам доставалось больше других: Стерв и так гонял своих отроков немилосердно, безжалостно отсеивая тех, кто не справлялся. А когда Неключа, младшая жена Стерва, от избытка усердия выстирала разведчикам их лесные одёжи, почти до дыр выполоскав в речке всю тщательно наведенную «красоту», у наставника вообще крышу снесло – несколько дней из леса, почитай, не вылезали. Всю маскировку на одежке пришлось переделывать заново, добиваясь, чтоб и в лесу, и на болоте, и в ясную погоду, и в дождь рассмотреть разведчика было нельзя. От конных дозоров их никто не освобождал, дежурили наравне со всеми, а потому усталость у отроков накапливалась и накапливалась, делая даже солнечный день выцветшим и унылым. А такой, как сегодня, так и вовсе...

Бывает состояние, когда, сколько ни пытайся умыться, нормально проснуться никак не удаётся. Выплеснутая на голову холодная влага вызывает озноб и раздражение, но в чувство не приводит, а в голове всё равно остаются муть и туман. Мальчишкам казалось, что точно так же чувствовал себя и лес: морозящий дождь не смывал, а размазывал мерзкую слякоть по прибитой к земле траве. То ли туман, то ли мелкая водяная пыль висела в воздухе, скрадывая видимость липкой дурью. Припустившему дождю Яшка обрадовался, как родному – туман стал оседать, открывая взгляду унылый лес.

Урядник разведчиков вздохнул. Вставать до рассвета в такую погоду не хотелось страшно, всё тело после вчерашней тренировки избито ныло, но одно достоинство в конном дежурстве имелось – всё ж таки какой-никакой, а отдых. Других на службе не бывает. Да и близнецам передохнуть не помешало бы – после вчерашнего марш-броска по болотам, что устроил им наставник, разведчики приползли домой ни живы ни мертвы и, без всякого вдохновения поковырявшись в ужине, чуть не уснули прямо на посиделках.

Рыжий Федька, переведённый в их десяток сразу после похода, держался изо всех сил, стараясь ни в чём не уступать всем остальным – нагрузки на тренировках были куда выше тех, к которым привыкли лесовики, начавшие заниматься позже остальных, так что выдерживали не все. Но Федор, похоже, в десятке приживётся, да и ещё к двоим новичкам присмотреться не лишне. Для того он и включил их сегодня в дозор. Особой опасности, в общем-то, не предвиделось, так что Яшка, по совету отца, ничего объяснять не стал, а просто взял с собой, посмотреть, как мальчишки слушают лес.

Дождь утих, и небо слегка посветлело. Неслук – Яшкин подросший щенок – вынырнул откуда-то из-под кустов, подбежал к хозяину и, убедившись, что тот на месте, с наслаждением вытряхнул из шкуры грязную слякоть. Лошадь, фыркнув, всем своим видом продемонстрировала недовольство холопским воспитанием пса, но тот, не обратив на это ни малейшего внимания, тут же умчался куда-то в лес по своим собачьим делам.

Оставив болото далеко за спиной, Яков сошёл с тропы и оглянулся на следовавших за ним отроков. Такие же мокрые и нахохлившиеся, как сидевшие на рябине воробьи, мальчишки своим унынием были под стать окружавшему их лесу. Даже Елизар, всегда подтянутый и аккуратный, сидел на лошади мешком опавшей листвы. Елисей, похожий на Елизара, как две капли осеннего дождя, трусил по лужистой тропе. Сейчас была как раз его очередь двигаться впереди патруля, пытаясь разглядеть хоть какие-то следы на мокрой траве. Мимо Якова, зыркнув на командира из-под протекающего капюшона накидки, проехал Федор, а дальше за ним бок о бок держались двое лесовиков. Один из них глянул на командира, спрашивая разрешения задать вопрос. Тот кивнул.

– А правда, дядька Стерв сказывал, что там ведьму утопили, так она теперь всех, кто в ейный омут сунется, к себе забирает и кровь сосет?

– Наставник Стерв говорил, что омут тот на месте выворотня образовался и корни того дуба по сей день торчат. Так что ежели какой дурень в воду сунется, так и без всякой ведьмы там утонет, – усмехнулся Яков и, построжев, добавил: – А ещё он велел в дозоре по-пустому языком не молоть. За то, что дозорный пропустит кого, знаете, что бывает? А ну, стой!

– А чего мы пропустили-то? – мигом насторожились мальчишки. О том, что проспавшим службу дозорным рубят головы, отроки после отбоя шептались постоянно.

Яков только вздохнул, глянув на свежую метку на дереве. Посмотрел на удалявшихся по тропе отроков и протрещал коростелем. Федор оглянулся и тут же повернул назад. Елизар подал сигнал брату и тоже развернулся. Дождавшись второго близнеца, Яков коротко спросил:

– Кто здесь был?

Лесовики растерянно заозирались, шаря взглядами по тропе. Елисей, который шёл по тропе первым и, стало быть, отвечал за пропущенный след, внимательно оглядел место, где остановился командир разведчиков.

– Ну, так что усмотрели? – Яков по въедливости старался не отставать от наставника.

– Так пух заячий, – ответил один из лесовиков, ковыряясь в траве.

– Да? И куда заяц делся? Домой пошёл? – командир ехидно уставился на Елисея.

– Рысь тут была, – вздохнул тот, разглядев на дереве характерный след когтей крупной кошачьей лапы, – она зайца и поймала. Вон с того дерева спрыгнула, а на это поднялась. Нету, – добавил он, глянув на дерево. – От нас в сторону по веткам ушла. Вон туда.

– Не от нас. Кабан прогнал, – Федька поковырялся в полузатопленной ямке. – След свежий, дождём не размыло ещё. Здоровенный, зараза. Заяц, видно, заорал, как она его брать стала, ну так он и услышал, – мальчишка оглянулся и уверенно добавил: – Секач. Вон из тех кустов ломанулся. И злой, видно, жуть.

– А с чего это? – Якову стало интересно. Похоже, что с новичками угадали, толк, видимо, будет. – С чего это секачу на рысь кидаться? Они разными тропами ходят, друг дружку не трогают. А тут... Рысь вон как на сосну сиганула, кору подрала, так спешила.

Отроки внимательно разглядывали следы.

– А леший его знает, чего он взбесился. Не должен бы, кабан сейчас сытый, добрый. Скоком шёл, след размашистый.

– А рысь зайца тут, под ветками жрала, на дереве неудобно в дождь, – обнаружил след лесовик. – Вон там он соскочил с тропы и чего-то сунулся под ель, к рыси. Она подхватила и на дерево. А он вот, по стволу клыком саданул. Ох, и здоров, – выдохнул следопыт.

– Ну, а сейчас кабан куда подевался? – командир с ехидным прищуром оглядел мальчишек.

Один из лесовиков махнул в сторону тропы.

– На поляну с омутом пошёл. Куда и мы собирались.

– Ох-хотнички... Следопыты, – Яшка глянул на потупившихся патрульных. – Все мимо прошли, никто на след не глянул. Хороши бы мы были, если б на поляну к секачу выскочили. Был бы тут батя, уже уши надрал бы, – добавил он тише.

– Наставник Стерв уши не дерет, – Федька глаз не поднял, ковыряясь зачем-то у себя в подсумке.

– Да иной раз лучше б надрал, – сплюнул Яков.

– Господин урядник! – осторожно обратился к Якову рыжий. – Может, рысь потравим? Она тут где-то, рядом схоронилась.

Яков чуток задумался. Попытка Федьки увести разговор в сторону была, как говаривал Мишка, из разряда так себе, но с другой стороны... Притащить шкуру рыси казалось заманчивым, да и кабанчик к столу тоже дорогим гостем пришёлся бы. Он собрался уже отдать команду, как где-то шагах в двухстах раздался отчаянный лай Неслуха и тут же, почти одновременно, визг кабана и чей-то крик:

– Беги!

– Ну вот... одного нашли, – Яшка стрельнул глазами на отроков. – Куда, безоружный-то? Самострелы взвесь, болт в зубы. Спешиваемся у старой сосны. Ты, – кивнул одному из лесовиков, – остаёшься с конями. Все готовы? Вперед!

Поляну разведчики охватили, как учили, полукругом. Яков осторожно выглянул из-за кустов. Неслух скакал вокруг кабана, отвлекая того от людей, находившихся на поляне. Первая из жертв разъярённого секача, немолодой уже мужик, скорее, старик, скрючившись, лежал в грязи. Второй, мальчонка годков одиннадцати или двенадцати, обеими руками схватился за ветку и пытался

вскарabкаться на дерево.

Щёлк! Продолжавший моросить дождь мешал целиться, и болт Якова, застряв в шкуре здоровенного секача, заставил его забыть о собаке. Просто попасть в кабана мало, в него ещё нужно попасть куда надо. Звериное чутье мигом определило источник новой опасности, и он, развернувшись в сторону кустов, резвым галопом кинулся к стрелку.

Клац-клац! Визг смертельно раненого зверя огласил лес, и он, пробежав с разгону ещё с десятков шагов, споткнулся и завалился рылом в мокрую траву.

Яшка наконец взвел самострел, отметив про себя, что отроки выстрелили не все, один выстрел у них ещё оставался. Молодцы.

Выждав время, чтоб мальчишки зарядили оружие, и внимательно оглядевшись, командир разведчиков осторожно выбрался на поляну. Неслух, услышав призывный свист, рванулся к хозяину, подбежал, заглядывая в глаза, а потом, заскулив, развернулся к людям.

То, что старик умер ещё до того, как отроки добрались до поляны, было очевидно. Про таких Матвей на занятиях говорил сразу – не жилец. Федька безуспешно пытался сдёрнуть мальчонку с дерева. Командир кивнул Елисею:

– Помоги.

Разведчик обошёл дерево так, чтоб паренек его видел, подождал, пока глаза мальчишки соберутся на его лице, и мягко сказал:

– Ну чего ты, дурашка? Спускайся! Давай, помогу.

Пальцы мальчика, цеплявшиеся за ветку из последних сил, разжались, и он свалился прямо в протянутые к нему руки.

– Ну, вот и все. Нету кабана больше. Сдох он, – тихо приговаривал Елисей, наклонившись к самому уху мальчонки. – Тебя как звать-то? Тимка? Вот и хорошо, Тимка, давай-ка я тебя в плащ укутаю, а то ты что-то совсем вымок.

«Умеют же близняшки с людьми обращаться, – позавидовал Яков. – Со старшими вежество знают, вона даже с Сучком ладят, да и мелкоту обихаживать приучены».

Второй близнец встал рядом.

– Губа у него поранена, у кабана-то, – тихо сообщил он. – И язык проколотый. Видать, когда желуди жрал, боярышник схватил. Болюче очень, зверь тогда на всё кидается.

* * *

К деду Тимку не пустили. Странные мальчишки, изображавшие из себя взрослых воев, перетащили искорёженное тело под корни вывороченного дерева, прикрыли лапником с тёрном, а сверху ещё и здоровенной корягой придавили. Молодой красивый парень, в своей кольчуге похожий на царевича из сказки, про которого рассказывал отец, держал Тимофея на коленях, что-то ему говорил, утешал, о чем-то расспрашивал. Как зовут, откуда шли, куда направлялись... Да какое теперь это имеет значение, дед-то умер?.. Не знал Тимка, куда шли, и куда теперь идти, он тоже не знал. Мальчишка отвечал, не особо вникая в вопросы и не задумываясь над ответами, просто смотрел на работающих отроков.

Все они казались чем-то похожими друг на друга, в одинаковых, плохо подогнанных кольчугах. Но Тимофей, выросший в мастерских, разницу углядел сразу. Вот тот, невысокий и гибкий, у них за мастера, сразу видно. Он даже не командовал, не распоряжался, просто негромко говорил, и для остальных этого было довольно. Так всегда говорит человек, которого уважают и чье слово для остальных – закон, что превыше всего. Рыжий, что копошился возле убитого кабана, и другой, похожий на парня, к которому сейчас прижимался мальчик, вели себя как подмастерья: что делать, знали сами, не суетились понапрасну. Видно, что люди понимающие, Тимка и сам так пытался вести себя в дедовой мастерской, и когда мастера это замечали, гордился немеряно. Оставшиеся двое более походили на учеников, которых в первый раз приставили к делу. Постоянные вопросы к «мастеру» и «подмастерьям» выдавали их неопытность, а готовность взяться за любое дело говорила, что мастера из них получатся. Дед постоянно обсуждал с ним учеников, так что Тимка такие различия замечал, даже и не думая о том.

Когда изломанного, покорёженного деда положили на лапник, Тимка только тогда и осознал: он остался один-одинешенек на свете. В глазах защипало, и почему-то всё поплыло. Он поднял взгляд на стоящего рядом с ним отрока, и было в этом взгляде столько боли скулящего, потерянного щенка, что мальчишке-воину просто захотелось прижать к себе дрожащего пацанёнка.

- Не бойсь. С нами пойдешь.

Дорогу через лес Тимка почти не запомнил. Дождь хоть и стих, но низкие облака почти без остатка выпивали последние лучи вечернего солнца, неохотно роняя на землю остатки пасмурного света. Выросший в большом селище мальчишка проводил почти всё своё время в мастерских, и даже в погожий день он не часто уходил далеко от слободы, в которой жили они с дедом. А сумеречный лес и вовсе показался... Нет, не злым - страха Тимка не чувствовал - скорее, недобрым, наблюдающим за мальчишками настороженным взором. Молодые воины, которые забрали Тимофея с собой, то и дело останавливались, спешивались, присматриваясь к следам. Иные места, наоборот, проходили быстро, стараясь поскорее проскочить неуютную чащобу.

Вспомнились рассказы, которыми слободские мальчишки пугали друг друга у летних ночных костров. О леших и русалках, о нежити болотной, о волках-оборотнях. Но чаще всего о жуткой ведьме, что живёт за болотом, и вход в земли которой чужакам заказан. Может, из-за неё, этой колдуньи, даже совсем молодым отрокам на этой стороне болота приходилось носить на себе тяжёлый доспех из холодного железа? Тимка зябко поёжился и постарался сильнее вжаться в спину Елисея, крепко ухватившись за его пояс.

К крепости подъехали уже затемно. Длинные тени стен, сталкиваясь между собой, поднимались недостроенными громадами башен, окутанных призрачным туманом. Тимке невольно вспомнились сказки, что рассказывал отец. Мальчик вздохнул: раз неподалеку живёт страшная волхва, а по болоту шастают мальчишки в доспехах, то и жить они должны, наверное, в крепости. Ну, не в землянках же?

Обогнув тяжело шумящее в темноте водяное колесо, дозор направился к воротам. Тимка поёрзал на крупе Елисеева коня и, осторожно выглянув из-за

спины молодого воина, невольно вздрогнул: воротная башня напоминала увенчанную шлемом голову великана, что торчала на самом берегу острова. Длинный язык мостков, протянувшийся через реку, казалось, сейчас затащит ступивших на него отроков с лошадьми в тёмную пасть ворот. Сверху что-то прокричали. Дозор остановился. Тимофей поднял голову и заглянул в тёмные провалы глаз великана.

– Наряд разведчиков вернулся из дозора. Старший урядник Яков, – отозвался командир.

В башне что-то грохнуло, заскрипело, и... Ночной морок рассеялся. Глаза великана оборотились бойницами, жадный язык – крепкими мостками, а пасть – воротами, перекрывающими проход в глубину рубленной из толстых брёвен башни.

Тимка опять спрятался за спину отрока. Ему вдруг стало невыносимо стыдно: это ж надо было так перепугаться крепостных ворот, до мурашек по спине. И деда на кабана в лесу бросил, поддавшись на его истошный крик: «Беги!» Вот и сейчас испугался, что там, в башне увидели его насмерть перепуганную физиономию. Мальчик вздохнул и, утерев глаза рукавом, попытался успокоиться.

«Никогда не поддавайся страху, – учил отец, когда маленький Тимка, напуганный грохотом тяжёлого молота, жался к его груди. – Бойся, но не поддавайся. Держи себя в руках. Ты же у меня уже совсем большой».

Тимофей выглянул было из-за Елисея, но тут лошадь остановилась, и чьи-то сильные руки подхватили его, поставив на землю. Он невольно покачнулся, потеряв равновесие – все-таки несколько часов на крупе лошади давали о себе знать.

– Это ещё что за дичь? А говорили, кабанчик, Тимка поднял взгляд на высокого, сильного воина, снявшего его с коня. Внимательные серые глаза спокойно наблюдали за незнакомым мальчишкой.

И пятаком не вышел. Кто таков?

– Тимка, – найдёныш посмотрел на вытянувшихся рядом отроков. – Тимофей. Кузнец я...

– Ишь ты! Кузнец? – усмехнулся воин. – Мелковат как будто.

– Так откормим, вырастет, дядька Макар, – встрял Яшка. – А пока Кузнечиком сойдет, – и, посерьёзнев, добавил: – А кузнецом... кузнецом у него дед... Был.

Ворота с натужным скрипом закрылись, и тяжёлый брус, громыхнув, улёгся на место. Наступившую неловкую тишину нарушало только недовольное пофыркивание лошадей, которые не понимали, зачем их держат у ворот, если сухой навес совсем рядом, а запах сена дразнится так, что стоять невтерпёж. Все молчали, поглядывая то на мальчишку, то на высокого воина. Тимка ещё раз посмотрел ему в лицо, перехватив всё тот же внимательный изучающий взгляд, и опустил голову. Понимание, что именно сейчас этот воин решает, что с ним делать, пугало до оцепенения, но и показать свой страх он не хотел.

– Хорошо держишься, парень, – спокойный голос наставника разбил тишину, вмиг сняв напряжение.

Тимка огляделся. Отроки зашевелились, заулыбались, небольшая площадь сразу заполнилась каким-то шумом, лёгким позвякиванием кольчуг, перестуком копыт. Стоявший рядом Елисей воспринял похвалу как свою собственную.

– Эт да, дядька Макар. Молодец он. И там, на поляне, хорошо держался – не бегал, не шумел. Пока Неслук кабана на себя держал, к дереву убёг и на суке подтянулся. Закричал бы – кабан на собаку не повелся б. А что за дедом плакал, так за родной душой негоже слезу не уронить. И по-людски, и по-христиански грех. А он христьянин, опять же. Свой, в обчем.

– Ну, а коли свой, так и не держите в воротах, – наставник ухмыльнулся. – На кухне вам перекусить оставили, так что лошадей в загон, и вперёд. Там и поговорим.

Добравшись до навеса, отроки первым делом скинули с себя надоевшие за день кольчуги. Пока они рассёдывали и обихаживали коней, Макар потихоньку расспрашивал Якова.

– Сами-то секача сразу положили?

– Ну... почти, – Яшка смущенно шмыгнул носом. – Струхнул я, дядька Макар. Неслух вокруг кабана как дурной прыгал, ну, и смазал я. Болт в загровке застрял, разозлил только. Ну, он и кинулся, а у меня самострел пустой. Хорошо, Елисей с Федькой его с боков увалили, а то худо пришлось бы, хоть самому на дерево лезь.

– А дед?

– А что дед... Мёртвый он уже был, жилу кровяную ему разодрало. Кровищи! Кабан осатанел, если б не Неслух, мальчика б точно порвал. А так убёг, успел схорониться. Федор, как Тимка показал, откуда они шли, по следам прошёл. Земля раскисла, хорошо видно, аж до самого болота.

– Других следов не было?

– Не... Только двое и шли. Я Федьку потом к засаде послал, предупредить, значить. Они вдоль болота прошли, да и мы следы на тропах смотрели. Метки целы, разве где зверь порушил, так оно сразу видно.

Макар кивнул.

– Стерв на поляне был, то же самое говорит. Добычу вашу сюда прислал, на кухне уже... – наставник оглядел отроков, копошившихся возле лошадей. – Он завтра за болото собирается, твоя пятерка с ним пойдет. Молодцы!

Яшка невольно заулыбался – похвала наставника Макара стоила дорого.

Тимка, про которого все как будто позабыли, молча сидел на скамье и тихо удивлялся. Говорилось вроде про всё, что он и сам видел, но оказалось, что событий произошло куда больше, а он даже Федькиного отсутствия не заметил. Сам он, оказывается, держался хорошо, а вот строгий и подтянутый Яков, выходит, струхнул... Мальчик удивлённо посмотрел на командира разведчиков, и опять наткнулся на внимательный, чуть насмешливый взгляд наставника.

– Потому и молодцы, что не заметил. А деда твоего в Ратное отвезли, отец Михаил и отпоёт, и похоронит, как положено. Завтра съездишь, проводишь, – Макар оглянулся. – Ну что, всё уже? Разобрались? Тогда пошли. Вещи только Кузнечиковы заберите.

В хоромине, которую наставник Макар назвал трапезной, было тихо. Длинные ряды выскобленных столов, вдоль которых рядами стояли скамьи, только подчеркивали пустоту большого зала. Так же пусто было в храме Сварога, когда они с дедом оставались совсем одни, изукрашивая стены затейливой резьбой и росписью. Только в святилище было ещё и жутковато, а здесь стояла всего лишь гулкая пустота обжитого людьми места.

– Эй, бабы! – гулко громыхнул в пустом зале голос Макара. – А ну, хватит языки о печь чесать! Кормите воев!

Те заулыбались, подбоченились и даже задвигались как-то по-особому, со значением. Вои! Видно было, что похвала мальчишкам доставалась нечасто и дорожили они ею невероятно. Тимка даже улыбнулся – точно так же важничали и гордились подмастерья, если их хвалил кто-нибудь из старших мастеров. Да чего там, его и самого распирало от счастья, когда дед подарил ему первый, его собственный инструмент.

«За зря такое не дают, – сказал тогда дед. – Иные и помирают, а всё чужим инструментом работают. И за никчёмную работу слова хорошего не скажут, ибо то слово – пустое».

Вспомнив дом, Тимофей опять загрустил. Отроки шумно рассаживались на скамьях, сразу же наполнив жизнью свой угол трапезной. Елисей, взявшийся присматривать за найдёнышем ещё на поляне, подтолкнул к столу. Кто-то снял с полки стопку деревянных мисок, их тут же разобрали по рукам, не забыв поставить по миске перед Кузнечиком и наставником. Посудина оказалась самой обыкновенной, точёной, видать, на станке, без всяких украшений. Тимка невольно начал было представлять, как вдоль края побежит резная полоса, по которой будут виться травы, но тут на миску с жизнерадостным стуком легла большая деревянная ложка.

Он с некоторым недоумением и опаской посмотрел на выданный ему инструмент. Работа оказалась хорошая и аккуратная, следов ножа, которым её резали, нигде не заметно. Хорошо резана, только вот великовата, как раз носом в неё и нырнуть.

– Чего смотришь, ложки не видал? – подковырнул жизнерадостный Федька.

Тимка вздрогнул, ссутулился и положил её обратно. Макар отвел от Тимки глаза. Да, с мальцом разговаривать будет трудно. Испуган, жмётся всё время. Но любопытен, вон как по сторонам поглядывает. Оно и понятно, всё ему в диковинку. Как забудется, так оживает, любопытствует, и видно же, что спросить хочет, но не решается. А заденешь его – сразу в себе закрылся. Но расспросить его надо, а ещё лучше, чтоб сам рассказал.

– А может, и не видал, такие, как у нас, мало где есть, – наставник глянул на Федора. – А ты бы языком не трепал, да сбегал бы в кузню и Кузьму Лавровича позвал. Пусть сюда подойдет, надобно глянуть кой на что.

Федька смутился и порысил к двери. Суров, видать, наставник Макар, раз отроки по его слову на бег срываются. В слободе своих подмастерьев так только старый Дамир гонял.

– А это ещё что за курёнок?

На стол с громким стуком встал здоровенный ставец, наполненный дымящейся кашей.

Тимка оторвал испуганные глаза от пустой миски. Прямо перед ним, по другую сторону стола, стояла здоровенная бабища и с весёлым любопытством в упор разглядывала примостившегося с краю Тимофея. Мальчик сжался и ничего не ответил.

– Так Тимка это, Кузнечик, тётка Вера, – просветил её Яшка. – Из-за болота к нам шёл.

Верка на мгновение пересеклась взглядом с мужем и разобралась с ходу: и упоминание про болото, и позднее возвращение дозора, и присутствие мужа в

такое время за столом с отроками – всё увязалось вместе сразу же. Да и то, что чужой мальчишка вздрагивает и сжимается от каждого громкого слова, ей тоже о многом сказало. Она обвела отроков грозным взглядом.

– Из-за самого болота? А вы, небось, и таскали его целый день за собой. Мало что умаяли мальчонку, так ещё и под дождём вымочили? – бабища, похоже, распалилась не на шутку, но гнев её был направлен мимо Тимки – на мальчишек.

– Тётка Вера, да мы ж... – попытался оправдаться опешивший Яшка. На Верку, пылающую самым что ни на есть праведным гневом, эта попытка впечатления не произвела.

– И покормить дитё ни разу не догадались, олухи. Так и таскали по лесу мокрого и голодного!

Обвинение было несправедливым, и совесть ощутимо потянула Тимофея за язык.

– Кормили они, – испуганно вступился Тимка за ставших уже близкими мальчишек. – И плащ свой Елисей дал. С капюшоном.

Тихий голос найдёныша неожиданно успокоил вошедшую в раж бабу. Она победно глянула на отроков и проворчала:

– Ну, хоть до чего-то сами додумались, – и строго, но совсем не страшно посмотрела на Тимку. – А ты их не выгораживай. Виноваты – и всё тут. И пусть не спорят.

Макар чуть заметно улыбнулся: его жена вместе с её заклятой соперницей Варварой верховодили у ратнинского колодца в добычании и обсуждении любых новостей, а уж разговорить сопляка...

Верка прицелилась на край лавки, аккуратно против Тимки. Сидевший на этом месте отрок, подхватив свою миску, шуганул на другой конец стола. Усевшись, та величественным взмахом половника наполнила кашей Тимкину миску, после чего небрежно подтолкнула ставец к мальчишкам. Те, слегка ошалев от напора и извива женской логики, осторожно начали разбирать кашу.

- Так вот из самого Киева, по болоту, пешком?

Яшка, услышав о предполагаемом маршруте, поперхнулся было, но, перехватив весёлый взгляд наставника Макара, уставился на Верку, потихоньку начиная постигать смысл устроенного бабой циркуса. Тимка, целиком сосредоточившись на вылизывании из непривычной ложки остатков каши, помотал головой.

- Не-а, мы из-под Крупницы шли. Из Мастеровой слободки.

- И что, вот так, из самой Крупницы и не емши? - не унималась дотошная Верка.

- Ну, репу ели. И ягоды в лесу были, с орехами.

- А репу, что ль, с собой из самой Крупницы несли? - удивился Макар.

- Не, - Тимка зачерпнул из миски очередную ложку каши. - Репу нам лешаки приносили. И мясо. А уже когда к болоту подходили, так рыбу давали. Копчёную.

Яшка невольно переглянулся с наставником.

- Точно лешаки? Не кикиморы? - совершенно серьёзно усомнилась Верка.

- Кикиморы только в сказках водятся. Для маленьких, - найдёныш попытался презрительно посмотреть на бабищу, но слегка скривился, пытаясь по-быстрому отогнать от себя некстати вспомнившиеся лесные страхи. - А лешаки - это такая лесная стража. Они ещё одёжу в пятнышку надевают и ветки цепляют, чтоб их в лесу не видно было. И рожу, бывает, размалёвывают. Как зыркнет на тебя из кустов - так чисто лешак. И забудешь, зачем туда хотел, - мальчонка снова увлёкся вылизыванием каши из ложки, слегка расслабился и осмелел. - Потому так и прозвали.

- Ничё себе, - вставил командир разведчиков, - это ж сколько надо было идти, поди, с самой Горки, небось?

Макар одобрительно посмотрел на Якова.

– Цельную неделю и шли, – Тимка отвлекся от ложки, наблюдая, как тётка подкладывает в его миску каши. – Мы ж в селища не заходили, деда сказал – нельзя нам туда. Вот по лесу и шли, ну разве когда рыбаки на лодке подвозили.

– А из слободы чего ушли-то? Нешто голодно было? – продолжала гнуть свою линию Верка.

– Не-е, голодно у нас никогда не было. А чего ушли, не знаю. Деда в острог ездил, а потом стражники приходили. А ночью мы с дедом и ушли.

– А родители что, дома остались? – поинтересовался Макар.

Тимка неожиданно сник.

– Нету родителей. Мамка, как я ещё маленький был, умерла, а папка с боярином Журавлём ушёл и не вернулся больше, – мальчик так жалобно глянул на Верку, что у той сердце защемило и она чуть ли не впервые не нашлась, что сказать.

– Ты того, кашу-то доедай, – подвинула она к Тимке его миску. – Сейчас ещё мясо поспеет. А «папка» это кто?

Мальчишка без аппетита ковырнул ложкой в каше.

– Папка – это отец. Ну, говорят у нас так. А так... Одни мы с дедом были.

Недовольно скрипнув, хлопнула входная дверь. Все обернулись. Первым вошёл Федька и, повесив плащ на вбитый в стену колышек, устремился к миске с остывающей кашей. Второй, скорей всего, был подмастерьем в кузнице – крепкий, с широкими ладонями, перепачканный сажей. Третьей, к Тимкиному удивлению, оказалась девчонка, которая, вцепившись в плащ второго отрока, что-то ему на ходу втолковывала.

Макар кивнул вошедшим и снова обратился к Тимофею.

– А отец у тебя тоже мастеровой?

Тимофей с сомнением посмотрел на заботливо подложенный Веркой кусок мяса. Вообще-то он уже и кашей наелся, но истекающий соком ломоть заставил его проглотить слюну.

– Папка старший над мастерами был, – Тимка выудил откуда-то из-за голенища узкий нож и взялся за еду. – Меня тоже учил.

Макар весело, почти смеясь, посмотрел на Яшку, отчего тот густо покраснел. Ну да, и пленника взяли, и следы прочитали, и к болоту сходили, и даже сумки втихаря перетрясли, а обыскать самого Кузнечика не удосужились. Елисей, перехватив взгляд командира, только пожал плечами: так видно ж было, что не опасен, вот и не потрошили.

Мальчишка быстро, но без суеты разделался со своим куском и облизнулся, чем поверг Верку в состояние лёгкого остолбенения. Нет, оголодалых отроков она видела, и не раз, и прекрасно знала, что он сейчас съест не столько, сколько хочет, а сколько дадут. Но вот то, как он ел, её удивило. Подкинув в миску ещё один кусок, она посмотрела на мужа.

Тимка удовлетворенно вздохнул и уже не спеша принялся за новый кусок. Но хватать руками, как обычно и делали, он не стал. Придавив ложкой, он аккуратно пластал его на небольшие куски и, накалывая на острие, по-щенячьи сосредоточенно отправлял в рот.

Макар кивнул: парень хоть и мал, но не прост, сразу видно.

– Кузьма, тут вот какое дело...

Тимка от удивления даже жевать перестал. Кузьма? В смысле Кузьма Лаврович? Вот этот? Да в слободе он бы до Кузьки ещё не дорос!

Макар, прокашлявшись, продолжил:

– Стража наша на болоте двух человек нашла. К нам шли. Говорят, кузнецы. Деда вот только спасти не успели... А внука Тимофеем зовут. Кузнечик, значит. Только вот инструмент чудной у них. Издаля ведь несли, еды при себе никакой не было, а железки тянули. Не глянешь?

Кузька, наостривший уши при одном только упоминании про журавлёвских мастеров, потянулся было к сумкам, но остановился, вопросительно глянул на Тимку – можно ли?

– Это моя, – кивнул мальчик. – А вон та – дедова.

Кузьма поднялся, переставил сумки к себе, достал свёрток, аккуратно перевязанный шнурком, развернул его... И сел, забыв даже дышать. То, что покоилось в полотняных карманах укладки, являлось, без сомнения, инструментом, но вот что этим инструментом можно делать, Кузька не знал. Мог догадываться, мог приспособить к чему-нибудь, но для чего он был сделан изначально, не представлял. Иное хоть и выглядело знакомо, но уж больно чудное. Вот для чего кому-то понадобилось сделать клещи с круглыми губками? Да как сделать!

Кузьма осторожно, как древний свиток, о которых рассказывал отец Михаил, развернул ещё один свёрток. В нем тихо и спокойно, словно усталые отроки после отбоя, лежали две дюжины хитро заточенных ножей и стамесок, каждый в своём отдельном кармане. Там же была завернута и дощечка из твердого дерева, на которой этот инструмент пробовали после заточки.

Макар внимательно наблюдал за Кузькиным лицом. Тот уперся в инструмент долгим, ошалевшим взглядом. Наставник вздохнул: состояние оружейного мастера Младшей стражи без всякой натяжки можно было описать как неменяемое, спрашивать его о мастерстве Кузнечика и деда бесполезно. Кузька и сам за те ответы сейчас, похоже, душу мог бы заложить. А рассказать ему об этом мог только перепуганный мальчишка, жмующийся на краю лавки.

Эх, разведка-разведка! Что ж вы деда-то не выручили? Следы они смотрели...

Тот, кто никогда не держал в руках с душой сделанный инструмент, ни за что этого чувства не поймет. Он может быть хорошим и удобным, умело сработанным, оставаясь при этом привычным. Так же, как и кинжал в руках воина – бывает и хорошее оружие, но вполне себе обычное. Но возьмешь иной клинок, и сразу видно – это настоящее, им нельзя ни репу резать, ни дерево строгать. Этому оружию предназначено только ВОЕВАТЬ.

Косой нож, а скорее, резец, который Кузьма сейчас держал в руках, был предназначен СОЗДАВАТЬ. Рукоять из тёмного, с удивительно красивым рисунком дерева, казалось, светилась под полировкой, оттеняя выложенный тончайшей серебряной проволокой узор. По бронзовому кольцу, набитому на рукоятку у самого клинка, выгравирован мелкий травяной узор. Черный, будто натертый сажей, клинок тянулся безукоризненно ровной линией, а полированное до зеркала лезвие сверкало невообразимой остротой.

Кузьма, поддавшись чувству, взял нож в руку. Странная, рыбьей формы, рукоять неожиданно удобно легла в ладонь. Нож сверкнул острым зубом, словно выпрашивая разрешение вцепиться в дерево. Кузьма легко, почти без нажима провел лезвием по дощечке, но резцу этого оказалось достаточно. Мягко, с чуть заметным сопротивлением он ушёл в древесину, послушно и без усилий перерезая её волокна.

Сидевшая рядом девчонка не сводила глаз с образовавшегося на дереве ровного, чистого разреза. Макар протянул руку, и Кузьма нехотя выпустил нож.

– Ишь ты! Острый! – наставник попробовал лезвие пальцем. – Дед делал?

Тимка кивнул.

– Этот клинок деда, а вон те – отец. А я только рукоять. Ну, и точил ещё. Я весь струмент правил, деду некогда было.

Кузьма, насчитав с полдесяток одних только молотков с блестящими от полировки бойками, посмотрел на мальчика.

– А украшать так зачем? Им же работать жалко – попортится.

– Ну, это как за ним следить. А узор накладывать деда велел. Я на всё узор кладу, – мальчишка глянул на миску. – Ну, чтоб руку набивать, значить.

– Слышь, Кузнечик, а мой нож так наточить сможешь? – рыжий Федька с надеждой протянул свой засапожник.

Мальчик взглянул и покачал головой.

– Не... Это железо. Наточить-то его можно, только держать всё равно не будет, мягкое больно... – Федька заметно расстроился, и Тимофею стало неловко. – Ну, разве в печи, с углями калить, но это день целый надо.

– А этот? – Макар выложил перед ним свой.

Мальчишка с интересом разглядывал нож, не торопясь взять его в руки.

– Светлая линия по лезвию бежит... Из пяти полос сварен. Похоже, новгородская работа. Медвежатник, – Тимофей взял в руки нож, провел пальцем вдоль лезвия, проверяя на ощупь зазубрины. – От удара крошился, не вминался. Сталь добрая. И щербится он ближе к рукояти, так что я бы тут покруче заточил, а к острию потоньше. И колоть будет прилично, и резать хорошо, там, где ближе к острию. А у рукояти и рубить можно, щербиться сильно не станет.

Тимка вернул клинок наставнику. Тот принял нож, с интересом его разглядывая.

– А вот этот заточить сможешь? – неожиданно вмешалась девчонка. – Ну, вот, чтоб ТАК резал.

Протянутый нож выглядел необычно. Во-первых, сделан целиком из металла, хотя клинок цветом немного отличался от рукояти: видимо, в отличие от неё, был стальным. Во-вторых, лезвие короткое, а рукоять, наоборот, длинная. Мальчик привычным жестом провел пальцем вдоль клинка.

– А для чего точить-то?

– Тупой потому что, – девчонка неожиданно вскипела, – неужто не понятно?

Тимка опешил.

– Я спрашиваю, резать что? Дерево?

– Ага. Дерево. Вон дубы сидят, кашу трескают!

«Дубы» засопели и слегка поёжились.

Наставник сдержанно улыбнулся.

– Стрелу вынуть. А бывает, и палец отъять. Лекарка она, – пояснил он. – А ты, Юлия, не кипятись, видишь, Кузнечик по делу спрашивает.

Девчонка мгновенно успокоилась и выжидающе уставилась на Тимофея. Не ответить было нельзя.

– Такие ножи я не точил. Но как деда делал, видел... – мальчик внимательно присмотрелся к лезвию. – Этот совсем не правильно заточен. Наклепать бы его. И круг надо...

– Так в кузне есть, – Кузька умоляюще посмотрел на наставника. – А Юльке этот нож к завтраму нужен, она мне им уже все уши прожужжала.

Макар глянул на ёрзающего от возбуждения Кузьму. Не уснет ведь, пока не увидит. Собственно, то, что он хотел, он у мальчика узнал, а Кузька нового ничего не скажет. Но ведь и самому любопытно же!

– Значит, так, разведка. Марш спать, вам завтра со Стервом выходить ни свет ни заря... – наставник обернулся к Кузьме. – Кузнечика забирай, нож лекарке наточите, раз ей на завтра надо. А я следом подойду.

Кузьма уложил нож обратно в карман укладки и, свернув, засунул в сумки. Кузнечик покачал головой.

– Там, где ножи – мой струмент, а там, где молотки – дедов.

– А какая разница? – простодушно удивился Федька. – Теперь он весь твой.

– Большая, – буркнул Тимка. – Своим инструментом я умею. А дедовым – только знаю.

Федька недоуменно уставился на Кузнечика. Макар уважительно посмотрел на Тимофея и вдруг предложил:

– А давай я навешу на тебя и самострел, и лук десятника Луки, а ещё кистень, меч и сулицу дам. Что выйдет?

– Ага, – догадался кто-то из близняшек. – Ничего не будет, потому что ничем пользоваться толком не умеешь. Сначала одно выучи, а потом за другое берись.

Тимка кивнул.

– Каждый струмент для своих нужд сделан и на своё дело заточен. Надо сначала одним научиться, а за другой браться, только если первый нужную работу сделать не сумеет. Иначе ты не работой занят будешь, а железками играть. А потому всяк инструмент на своём месте быть должен, – мальчик вздохнул и тихо добавил: – Деда так всегда говорил.

Кузьма переложил свёртки, закинул на плечо дедову суму, отдал Тимке его собственную.

– Ну, пошли, Кузнечик.

Войдя в кузницу, Макар огляделся, обогнул позабытый всеми горн, тускло мерцающий углями, и направился к ярко освещённому свечами столу, вокруг которого все и собрались.

Кузнечик, присев возле него, примеривался одним глазом к ножу, который пытался уложить на полукруглый металлический брус так, чтоб на просвет не было видно никакой щели. Кузьма, почти улегшись брюхом на столешницу, пытался отследить тонкости процесса. Юлька, раскрасневшись от произошедшего, видимо, только что бурного разговора, поджав губы, восседала на трехногом табурете. Табурет тот был изобретен Михаилом, командиром Младшей стражи, которому однажды просто надоели шатающиеся на неровном полу скамейки. Кузькин помощник Киприан обретался с другой стороны стола и изображал из себя летучую мышь, которая висит себе тихонько в углу, затаив дыхание, никому не мешает, только любопытными глазами посверкивает.

– Не, та наковаленка не подойдет, – рассудительно объяснял Тимофей. – Правильно выбранный инструмент свою работу сам должен делать. Ему только

мешать не надо.

– Вот именно. Правильный, – не выдержала Юлька. – А ты мне зачем нож испоганил? Вон сколько железа сточил!

Тимка вздохнул и выпрямился.

– Потому и говорю: правильно подобранный и под свою работу, – терпеливо объяснил он. – И сточил я не все, а только пятку. Видишь, нож теперь не прямой, а на листок ивы похож. Ты ж сама сказала, он нужен, чтоб нарыв открыть. А как ты его резала? Вот этим скругленным концом вела, сама давила, своей рукой. А сейчас вот так, видишь? – Кузнечик повел по пальцу ножом сначала плоско, а затем задирая рукоять вверх, так, что выпуклая часть лезвия начала ощутимо вжиматься в кожу. – Видишь, ничего давить не надо, вот это скругление кожу само режет.

– А ну-ка, дай сюда! – Юлька ухватила нож и принялась возить затупленным лезвием по пальцу.

Тимка пожал плечами и вернулся к выбору молотка.

– А круглую бабку брать нельзя. Вот смотри, если я неточно ударю, молоток у меня клинок из рук вырывать начнет. И металл начнет загибаться, скругляться. А мне лезвие то-оненько вытянуть надо, и греть его потом нельзя, потому что наклёп уйдет. Значит, вот так бабка должна быть прямой, чтоб нож плотно лег, а вот так – круглой, чтоб лезвие оттянуть. И боёк надо брать вот такой – почти острый.

Макар, хромая, подошёл ближе, Юлька оглянулась, положила нож на стол и вскочила с места.

– Садись, дядька Макар.

– Благодарствую, Юлия, – наставник передвинул табурет к дальнему углу стола и кивнул Тимофею. – Да ты делай, делай. Я посмотрю только.

Тимка опять примерился, приложил нож к наковаленке, и кузню наполнил звонкий смех молотка. Проход вдоль лезвия с одной стороны – осмотр, проход по другой – и опять осмотр. Со стороны казалось, что молоток живёт сам, своей жизнью, а мастер всего лишь придерживает его... и, действительно, не мешает инструменту работать.

Ещё один проход, и Кузнечик, прищурившись, придирчивым глазом изучил лезвие.

– Ну вот, всё вроде бы. Дальше лупить нельзя, трещина побежать может, – мальчишка уложил молоток на место и оглянулся. – А где камни, что мы мокнуть поставили?

Киприан метнулся к кадушке и выудил оттуда два бруска. Тимофей мельком глянул:

– Красный давай, серый пусть пока мокнет. И ещё тряпку надо и миску с водой.

Макар с любопытством следил за работой. Свой клинок он покупал когда-то вместе с бруском для его заточки, и цену за него купец заломил не слабую. За оружием наставник следил, содержал в исправности, протирая масляной тряпочкой от ржавчины и регулярно подтачивая для остроты. Но затачивал лезвие без всяких изысков, держа его в левой руке, а брусок в правой. Веркины ножи он так же затачивал. А тут оказалось, что заточка – целая наука. И первое, что малец сделал, это намочил тряпку, хорошо отжал, постелил её на стол и уже наверх уложил камень, не забыв проверить – устойчиво ли лежит, не елозит ли?

– До ума довести такой нож у деды почти день уходил, – обратился Тимофей к Юльке, переставляя свечу прямо перед собой. – На завтра я его сделаю, работать будет. Только точить я его стану, чтоб кожу и мышцу рассекать. Больше ничего резать нельзя. Даже если жилы резать начнешь, затупится быстро. Под это другая заточка надобна, да и форму ножу лучше другую дать. Вот теперь смотри.

Тимка приложил нож к плоской поверхности камня, приставил ноготь к обуху, а затем наклонил лезвие, показывая угол заточки.

– Этому ножу угол на четверть ногтя выдерживать можно, если меньше, то крошиться начнет. Резать будет очень тонко, но недолго. А если стукнешь, даже об дерево, зазубрины пойдут... – Кузнечик увеличил угол заточки так, чтобы обух ножа расположился примерно на треть ногтя. – Вот так будет резать очень тонко, без нажима, и крошиться не станет, но всё равно его придётся править. Но если резать жилы возле кости, затупится сразу, надо будет перетачивать. Если точить на полногтя, то можно легко и жилы резать, но на мякоти уже жать придётся, а значит, легко лишнего задеть.

Юлька призадумалась.

– Острый точи. А под твёрдое свой нож имеется.

Кузнечик кивнул, приложил нож к плоской поверхности камня, выверил угол, как-то по-особому прижал к камню, и – вж-ж-жик – клинок мягко прошёл по поверхности. Поднял клинок на уровень глаза, поймал блик от свечи, поморщился, примерился, и опять – вжик, но уже чуть иначе подвернув клинок во время движения. Проверил, кивнул и, поймав ритм и движение, начал довольно споро выводить лезвие. Остановился, протер клинок. И опять начал рассматривать его против пламени свечи.

Макару стало интересно, он присмотрелся. Кузьма, пристроившись за Тимкиным плечом, тоже пытался что-то разглядеть, прищурившись одним глазом. Блик от свечи, отбрасываемый лезвием Юлькиного ножа, плясал по всей его физиономии, но Кузька упорно ловил глазом светлую полоску.

– Ага, ты кромку вывел!

Тимка кивнул.

– Кромка выводится всегда. Я сейчас заусенец смотрю. Вишь, короткий, значит, сталь добрая. Но немного рваный, значит, зерно в ней крупное.

– Зерно? Да откуда у стали зерно-то?

– А ты излом посмотри и сразу увидишь. Зерно отковки и закалки зависит. Чем оно мельче, тем уклад прочнее, и заточить его тоньше можно.

– А заусенец на ремне править будешь?

– Не, – помотал головой Тимка, заканчивая выводить кромку с другой стороны клинка. – На ремне сейчас нельзя – заусенец в коже застрянет, и с лезвия металл вырвет. Нож получится, ну, как пила с мелким зубом. Зубья эти, конечно, хорошо, они ладно режут, только вот и стачиваются быстро. Чтоб нож по-кухонному заточить, так и надо делать. Хозяйка перед работой новый зуб наведет, репу резать – в самый раз. А для этого ножа тонкую заточку стоит сделать.

Макар покосился на свой нож. Похоже, у него как раз кухонная заточка и была. В самый раз репу резать.

Кузнечик аккуратно промыл точильный брус и затребовал у Киприана светло-серый камень, но, к удивлению зрителей, точить нож на нем не стал, а поковырялся в сумке и выудил оттуда несколько мелких брусков, аккуратно завернутых в тряпицу. Капнул воды на серый камень и начал натирать его маленьким брусочком. На поверхности серого камня появились разводы. Кузьма захлопал глазами.

– А это для чего?

Кузнечик кивнул на брусок.

– Это керамика, брусок из белой глины. Им нож не заточишь. Ну, так я на плитку смесь и навожу. Вот этот брусок – наждак отмученный, на вишневой камеди. Брусок форму держит и не стирается, а наждак металл снимает, – Кузнечик примерился и привычным движением начал доводить лезвие ножа. – Тут, главное, сразу кромку хорошую вывести, а потом легче уже. Вишь, заусенец сошёл весь.

– Значит, пилы нет?

Тимофей смыл с песчаника старый состав и тут же навел новый, потоньше.

– Пила есть. Она тут по-любому останется, только мелкая. Просто нужно сделать зуб незаметным на глаз. Деда говорил, что лекарский нож должен быть с

пилкой, только мелкой. Тогда разрез быстрее заживёт...

Мальчишка протёр нож, осмотрел работу и передал нож Кузьме. Тот бережно взял нож и принялся рассматривать в отраженном свете безукоризненно ровную полоску режущей кромки клинка, потом протянул Киприану. Кузнечик, промывавший в миске брусок, заметил:

- Ты только на палец не пробуй. Ему ещё окончательную доводку сделать надо.

Кузька помотал головой.

- Не, ты это лучше сам.

Макар прикусил ус. За этот вечер он узнал о заточке ножей больше, чем за всю прошлую жизнь. Причём малец не просто делал, он обстоятельно и со знанием дела раскладывал по полочкам каждый шаг своей работы, да так, что становилось понятно всем, даже лекарке. Похоже, вопрос о мастерстве Кузнечика прояснился полностью. Макар с любопытством продолжил наблюдение.

Полировал кромку Тимофей на яшмовой пластине. Вначале долго растирал на ней какой-то порошок, разведенный каплей масла, а потом быстрым и отработанным движением начал доводку. На фоне матового лезвия ножа узкая кромка начала ощутимо отсвечивать глянцевым блеском. Сполоснув нож в воде, медленным, аккуратным движением навел блеск на кромку о небольшой кусок кожи.

- А как проверять-то заточку? - задал Киприан мучивший его вопрос. - Ну, раз на палец нельзя.

- А вот так и проверять.

Тимофей запустил пальцы в собственную шевелюру и, выудив оттуда волос, провел им по клинку.

- Ни хрена ж себе! - невольно вырвалось у Макара. - А ну, дай сюда.

Юлька, глядя, как наставник с ребячьим азартом распускает выдранную из своей бороды волосину на мелкие поленца, сама забыла дышать. Потемневший от многочисленных варок, замордованный бесчисленными заточками нож выглядел неузнаваемо – вычищенные бока холёно отливали шёлком на фоне значительно более грубого блеска зашлифованной на кругу рукояти, а острое блестящее лезвие хищно скалилось, с лёгкостью разваливая пополам пучок из нескольких волосков. Мальчишки толпились вокруг и подсовывали Макару выданные на пробу волоски – а если тоньше волос взять, а если грубее, а прям с кожи сбреет ли?

– Эй, нож-то отдайте, – зашипела на них Юлька. – Затупите, сами точить будете.

– Не... Не возьмусь, – признал своё поражение Кузька и повернулся к Тимке. – Слышь, Кузнечик, а...

Кузьма растерянно умолк. Утомлённый всеми выпавшими на день горестями, мальчишка тихо посапывал, пристроив голову на сумке, куда только что сложил инструмент.

– Да-а... – протянула Юлька. – Наверно, уже третий сон видит. Да и не самый лучший, поди. Неделю в бегах, единственную родную душу, почитай, прям на глазах потерял. Привезли неизвестно куда, да тут же и к работе припрягли.

– Ну, то, что припрягли, это правильно, – кивнул своим мыслям Макар. – Оттаял малец. И что уснул за работой, тоже хорошо.

– Ему это место знакомое, – согласилась лекарка. – Слышь, Кузя, оставь его тут до утра. Дом свой он потерял, и семьи больше нет. Проснётся – будет за что душой зацепиться. Тогда кузня, а потом и крепость ему родным домом станут. А где дом, там всегда семья.

Кузьма вопросительно глянул на наставника. Тот задумчиво смотрел на мальчонку.

– Ладно, уморили мальчика, вот и пристраивайте его сами, – принял решение Макар. – А завтра утром посмотрим, что с ним делать.

Глава 2. Ратнинцы

Михайловская крепость. Село Ратное Начало сентября 1125 года

Утром Тимка проснулся рано. Некоторое время он лежал под большим тулупом на мешках с берестой, брошенных поверх угольного ящика с растопкой. Запах берёзового дегтя пробивался сквозь стойкий дух лошадиного пота, который шёл от старой, местами прожжённой попоны, постеленной на мешок. Он надеялся в душе, что вот сейчас откроет глаза, встанет и, прошмыгнув мимо спящего деда, выскочит на улицу. Надеялся, даже молился про себя – Бог, он ведь добрый, он поможет... Но чуда так и не произошло.

Мальчик выбрался из-под тулупа, обнаружил рядом с топчаном кем-то снятые с него сапоги. Не обуваясь, подошёл к оконнице. Поколебавшись, открыл широкую ставню, и кузня заполнилась мягким сиреневым рассветом. Дождь к утру закончился, и утреннее небо обещало быть если не ясным, то и не пасмурным.

Тимофей огляделся. Кузница, в которой его вчера оставили ночевать, выглядела так, как будто мастеровые только окончили работу и вышли передохнуть на часок-другой. Разве что угли в горне успели за ночь погаснуть и теперь лежали, зябко укутавшись в пушистую шапку пепла. На стене возле горна устало висел кузнечный инструмент. Тот, что поменьше, теснился на дощатых полках у другой стены. Кузня, освещаемая мягким светом разгоравшегося утра, потихоньку просыпалась.

Когда-то давно – подумать только, целую неделю назад! – Тимка сидел в уголке другой кузни, вслушиваясь в сказку пробуждающейся мастерской: лёгкие позвякивания тяжёлых клещей, глухие удары ещё не проснувшегося молота, сонные вздохи мехов. Таких историй они с дедом насочиняли великое множество – почитай, про каждый инструмент. Да и отец рассказывал немало. И вот сейчас на Тимкиных глаза пробуждалась точно такая же кузница. Но только это была чужая сказка.

Он повернулся к столу, за которым вчера заснул. Обе сумки, и его, и дедова, лежали на краю стола там, где он их вчера и оставил. Мальчишка, успокоившись, подошёл к полкам.

Инструмент в кузнице оказался в основном средний. Не такой большой, как у оружейного мастера слободы, ну, а мелкого было совсем немного. Содержался он в чистоте, ничего не скажешь, но своего места не знал. Похожие вещи лежали в совершенно разных местах, и видимого смысла в их расположении не наблюдалось. Так обычно раскидывали инструменты подмастерья, делая работу сами, без мастера. Тимка не сомневался, что те, кто работает здесь, всегда точно знали, что и где лежит, но... дед требовал для инструмента полного порядка. Слишком уж он дорог, слишком трудно его делать. И получал Тимка свой – свой собственный – только тогда, когда дед убеждался, что внук умеет им владеть, умеет его беречь и обиходить, понимает его место.

Ещё на полке валялось несколько спутанных мотков серебряной проволоки. Тимка взял один в руки и подошёл к окну. Очень похоже на слободскую работу. Поверхность гладкая, аккуратная, размер проволоки по длине не менялся. Волочил её кто-то из подмастерьев, следы клещей показывали, что тянули проволоку вручную, а не воротком.

Волочить проволоку его учил дед. И вальцы ему дед подарил, когда внук сделал своё первое колечко. Тимка вздохнул. Тот, кто бросил сюда этот моток, ценности проволоки явно не понимал. Для него это был металл, годный разве что в переплавку. Куски разного калибра спутаны и смяты в один клубок. Дед за такое обращение с матерьялом руки пообрывал бы.

Кузнечик задумался.

«Деда нет... и никого больше нет, если отец не найдётся. Кузьма пацан свойский, да и Киприан, его помощник, тоже. И ещё наставник Макар. Остаться бы тут, и никуда идти не надо. Да и куда идти? Дед говорил твердо – домой нельзя, пока не вернется боярин Журавль. Я ведь вчера очень старался – показывал, что могу быть полезным. А вдруг нет, вдруг прогонят? И деда. Деда...»

У Тимки на глазах опять заблестели слезы, и он сердито утёрся. Не ныть. Не стонать. Не рыдать. Делать! Так говорил отец. Так вбивал дед.

Мальчишка огляделся. Все, что можешь сделать на пользу дела – должно сделать. Странные отроки, обрядившиеся в кольчуги, как взрослые ратники, вчера его спасли. Потом привезли сюда, в крепость, накормили. Так что, может,

теперь он здесь будет жить... если позволят. В слободе позволялось жить только тем, кто был полезен. Мальчик ещё раз посмотрел на почти остывший горн. С тех пор, как он, вначале вместе с дедом, а потом и сам, впервые развёл в нем огонь, разжигать горн было его обязанностью.

Все, что нужно, нашлось тут же, в кузне. Дрова, несмотря на сырую погоду, оказались вполне сухими, да и угля в ящике тоже было порядочно. Тимка наколот щепы, сунул в угли и осторожно раздул несмелый огонек. Тот, почти как дома, Кузнечнику подмигнул, быстренько взобрался по щепкам к аккуратно уложенным дровам. Лизнул на пробу предложенное угощение, чуть задумался, лизнул ещё раз, а потом с лёгким довольным треском стал разбегаться по дровам.

Мальчик посмотрел на меха. Собственно, мех был один, чему Тимофей даже удивился. У них в кузницах меха всегда были парные, тянешь за веревку – один мех гонит воздух, отпускаешь – другой. Жар получался сильным и ровным. Тимка пожал плечами и потянул. Мех вздохнул, набирая полную грудь воздуха, и степенно, не спеша погнал своё ровное дыхание к огню. Тот довольно загудел, стрельнул искрами, и полыхнул, охватывая все дрова разом, заставляя их раскалиться белыми углями.

Тимка набрал тяжёлый совок угля и закинул его в горн, когда дверь неожиданно раскрылась. На пороге, удивлённо хлопая глазами на незнакомого мальчишку, стояла девчушка лет десяти, растрёпанная, наспех одетая в какой-то странный наряд – то ли юбка, сшитая как порты, то ли порты, скроенные как юбка. Разглядывая Тимофея, войти в кузню она не решалась, но и убежать не спешила.

– А Кузька где? – девчонка, не обнаружив того в кузнице, явно расстроилась.

– Не пришёл ещё, – Тимка ещё раз качнул меха, и посмотрел на девочку, которая хлюпала носом и, похоже, собиралась разреветься. – Да ты зайди лучше, нельзя в кузне на проходе стоять.

Девчушка поколебалась, не решаясь войти, потом посмотрела на свою руку, зажатую в кулачок, и осторожно вошла.

– А когда он придёт?

– Не знаю, – мальчишка сочувственно посмотрел на гостью. – Они вчера поздно ушли.

– Мне очень надо, – она всхлипнула и опять посмотрела на вещь, которую держала в кулаке. – Поломалось... Меня Анька убьёт-о-от!..

Глаза её наполнились слезами, губы задрожали.

«Сейчас разревётся, как я вчера. Нельзя до стыда доводить. Придётся что-то делать».

Тимофей протянул руку. Девочка поколебалась, опасаясь отдать в руки незнакомцу очень важную для неё вещь но, похоже, другого выхода не нашла. Несмело протянув руку, она вложила в Тимкину ладонь две серёжки. Кузнечик отошёл к окну и поднес их к свету. Одна серёжка оказалась совершенно целой, а вот вторая... Серебряная пластина с напаянным на неё узором была изогнута, проволока в одном месте отошла, а подвесной крюк отсутствовал вовсе.

Мальчик взял в руки ту, которая осталась целой, пригляделся к работе. Сложного в серёжке ничего не было: на плоской, довольно аккуратно выделанной пластине напаяли узор из колечек и завитушек. Видно, что украшение уже чистили, и не раз, отчего и пластина, и проволока потеряли свой блеск. Опять же, пластина была совершенно плоская, а Тимка знал, что на плоском серебро не играет, надобно, чтоб всегда изгиб был. Тогда полукруглая серёжка начнет ловить свет от солнышка и играть бегающими по проволоке искрами при самом лёгком движении головы. Крюк и вовсе сделан грубовато, выгнут из кованой проволоки.

– Поправим, – Тимофей уверенно кивнул и, порывшись в сумках, начал доставать свёртки с нужным инструментом. – Ещё лучше станут.

– Лучше не надо. Надо чтоб как было. Я их у Аньки без спросу взяла. Померить только. Только я одну уронила, а пока нашла, она поломалась.

– Сама? – Тимка скептически посмотрел на серёжку. Девчонка засопела.

Кузнечик, прищурившись, взглянул на неё. Держать она себя умела. Даром что мала ещё, слёзы на глаза накатились, губы дрожат, а вот себя держит. Не то, что его соседки в Мастеровой слободе, те по любому поводу в рёв пускались. Тимка вспомнил, как он вчера разревелся сам и как мальчишки-дозорные делали вид, что не замечают. А ведь нагорит ей... Сильно нагорит.

– Точно так не выйдет. Видишь, пластина немного помята. Я её, конечно, выправлю, но всё равно видно будет. А вот если я их обе поправлю, то разницу и не заметишь. Да и отделаю так, что они намного красивее станут. Не дура же Анька на такое ругаться.

– Минька сказал, что дура. Она всегда ругается, – девчушка шмыгнула носом. – А ты сумеешь?

Тимофей уверенно кивнул и потянул сумку с инструментом. Девочка тут же пристроилась сбоку на табурете, на котором вчера вечером сидела Юлька.

– Меня Елька зовут, – она наконец нашла способ познакомиться, поглядела на разложенный инструмент и спросила: – А ты кузнец?

– Ваши Кузнечиком прозвали. А кузнецом дед был... – Тимка вздохнул. – А вообще меня Тимофеем зовут.

Елька кивнула.

– Тебя на болоте вчера нашли. Мне Сенька рассказывал, он в десятке гонцов состоит. Ой!.. – девчушка испуганно прикрыла ладошкой рот. – У тебя же дед умер!

Чуть ли не больше всего на свете Тимка не любил, когда его кто-нибудь начинал жалеть. Особенно когда какая-нибудь дородная баба, вспоминая его умершую мать, начинала голосить: «Сиротинушка-а!..», пытаясь облапить и прижать к себе мальчишку. И удрать неудобно, и слушать тошно. Но тогда хоть дед мог рявкнуть: «А ну, хватить выть, бабы! Чай, не покойник ещё!» Тимофей покосился на девчонку. Нет, жалости в её глазах не было, скорее испуг, что ли. Тимка даже удивился – а ей с чего пугаться-то?

– У нас в поветрие тоже много умерло, – сообщила она. – А Нинеина весь вообще вся вымерла.

Скрип отворившейся двери прервал неловкое молчание. В кузницу ввалился улыбающийся Киприан.

– Здорово, Кузнечик! О, молодец, уже и горн развел! – Киприан отодвинул засов и крикнул: – Гаврюха! Отворяй давай.

Кусок стены, оказавшийся здоровенной воротинной, открылся, пропустив в кузницу поток утреннего света. Через образовавшийся широкий проход вошёл хмурый спросонья отрок.

– Во! – Киприан с утра был полон задора. – Я ж тебе говорил, что к нашему приходу горн гореть будет.

– Ну так и спали бы ещё... – Гаврюха Киприанового веселья почему-то не разделял. – А эти мелкие чего тут делают?

Киприан пригляделся.

– Еля! А ты чего тут так рано? Матушка-боярыня увидит, ругаться начнет.

Тимофей за свою жизнь знал и побаивался только одного боярина – Журавля и, услышав про боярыню, тут же наострил уши.

– У меня вот, поломалось, – Елька вспомнила про своё горе и всхлипнула. – А Кузнечик починить обещался.

Отроки подошли к столу.

– Ого, – покачал головой Гавриил, рассматривая покалеченную серёжку. – Это те, что дядька Лавр для боярышни Анны делал? Как же ты её так?

Тимофей опешил – эта дура Анька, оказывается, боярышня.

– Надо в Ратное везти. Дядька Лавр поправит, – Гаврюха поморщился. – Сами не сделаем, инструмент больно тонкий надо.

У девчушки опять на глазах заблестели слёзы. Испуганный взгляд метался между Тимкой и Гаврюхой, который продолжал вертеть в руках серёжку.

Киприан перехватил умоляющий взгляд, которым Елька смотрела на Кузнечика, и забрал у напарника поломанную серьгу. Посмотрел, прикинул работу. Почесал макушку.

– А точно сможешь? – обратился он к Тимке. – Как бы не запортить совсем. Работа дорогая.

Мальчик коротко кивнул головой.

– Вот этот? – Гавриил даже не рассердился, а удивился. – Ты что, сдурел, что ли, незнамо кому такую работу доверить?

– Чего тут у вас? – поинтересовался вошедший в проход Кузьма.

Киприан показал поломанную серьгу.

– Вот же ж... – Кузька украшение узнал сразу. – Ну и визгу будет.

– Ну, пожалуйста! – Елька, уже не сдерживаясь, хлюпала носом. – Пусть Кузнечик попробует.

– Ишь ты, познакомились уже, – хмыкнул Кузька и обратился к Тимофею – Сделаешь? А то ведь и правда влетит по самое не хочу.

– Ну, так теперь нам влетит, – продолжал упираться Гаврюха.

– А тебе-то за что? – ухмыльнулся Киприан и тоже глянул на Кузнечика: – Чего делать надо?

– Отжечь, выправить на свинце, спаять. Это легко... – Тимофей задумался. – Но после пайки и отбела она будет сильно разниться со второй. Значит, вторую тоже в отбел. Но вот, как было, выглядеть уже не будет. Её можно скруглить, чтоб не плоская была, ну, свернуть немного. Тогда серебро будет играть, и помятая проволока заметна не будет.

– А пластина? – Кузьма вспомнил, как Лавр делал эти серёжки. – Батя с ней долго маялся, пока отшлифовал.

– Зачернить. Тогда то, что пластина помята, будет незаметно. Видишь, тут серебро уже потемнело и выглядит, как грязь. А если всё начернить, а узор до зеркала споллировать, будет выглядеть нарядно. Даже лучше ещё, чем сейчас.

– Если лучше, Анька ругаться не станет. Скажу, сам Ельке велел принести, чтоб почистить, да и Анька просила как-то. Давай делай.

Тимка принялся раскладывать инструмент. Киприан, уже принявший Кузнечика за авторитет в кузнице, насмешливо лыбился, наблюдая за округлившимися глазами Гавриила. Тот перехватил взгляд и насупился.

Тимофей достал несколько запечатанных малюсеньких кувшинчиков, которые дед почему-то называл пузырьками. Затребовал пару глиняных мисок, насыпал в каждую немного порошка и добавил воды. Поставил на угли с краю горна и попросил снять, когда станет горячим. Бурчащий, но любопытствующий Гаврюха пристроился следить.

Кузнечик уложил обе серьги на железную пластину, подхватил клещами и понес к горну. Киприан встал к мехам. Кузьма с любопытством наблюдал, как двенадцатилетний пацан, не произнеся лишнего слова, пристроил его подмастерьем к работе.

– Медленно. Ещё медленней... – мальчик плавно повел рукой, задавая ритм. – Меха не дуть, дышать должны.

Угли потихоньку начали разгораться, железка, на которой лежали серёжки, медленно наливалась вишневым светом.

Кузьма пристроился сбоку и ловил каждое движение.

– Сгорит. Как есть сгорит, – одними губами прошептал Гаврюха.

– Не... – Кузнечик не сводил глаз с сережек. – Не сгорит. А вот рассыпаться может.

Быстрым движением Тимка вынул пластину из огня и стряхнул серёжки в миску. Вода с разведенным в ней порошком резко зашипела. Не ожидавший этого помощник отпрянул. Тимка вернулся к столу, подхватил медные щипцы и протянул Гаврюхе.

– Руками туда лазить нельзя, – пояснил он. – Только пинцетом. Вот так. Когда отбелится, надо промыть и на тряпице высушить. А я пока амальгаму приготавливаю.

Мальчишки столпились у миски и, неумело ковыряясь пинцетом, по очереди доставали серёжки из раствора. Елька путалась у них под ногами и требовала показать – не испортилось ли?

– Ага, значит, отбел? – Кузьма вспомнил название проводимой операции. – И впрямь серебро белое, как молоко, стало. А из чего он?

– Он разный бывает, – откликнулся из-за стола Тимка. – Этот из соли и винного камня.

Гаврюха, пытаясь пользоваться пинцетом, выполоскал серьги в кадучке, уронил, достал рукой, засунул обратно между губками пинцета и направился к столу, вокруг которого уже собрались все остальные. Елька уселась на свой табурет и внимательно следила за Кузнечиком.

А работал он и впрямь ловко. Перво-наперво, не допуская ни одного лишнего движения, он выровнял пластину на куске свинца. Затем тонким пинцетом уложил проволоку так, чтобы узор повторялся без всяких искажений. Натертая амальгамой пластина масляно поблёскивала. Несколько вздохов меха, и проволока прочно приварилась к поверхности пластины. Снова отбел, лёгкие удары молотка, и рядом с наковаленкой легли две уже не плоские, а слегка

свернутые полукругом пластины, на которых прочно сидел проволочный узор.

Из второго пузырька Кузнечик добавил порошок в миску с горячей водой – противно завоняло тухлыми яйцами. Бросил туда серёжки, Елька ахнула: они мгновенно стали черными. Мастер аккуратно прополоскал их в воде, просушил тряпочкой, а затем ею же набрал белого порошка и принялся начищать проволочный узор. Там, где он тер, чернота уходила, появлялся серебристый блеск металла, красиво выделяясь на оставшемся черным фоне. Елька протянула было руку потрогать, Кузнечик глянул и улыбнулся. Она смутилась и руку убрала.

– Трогать нельзя. Рано ещё.

Взял другую тряпочку, намотал на палец и макнул в третий кувшинчик, с тёмно-красным порошком. Серебристый металл начал зеркально блестеть, отбивая свет мерцающими искрами. Елька смотрела на серёжки округлившимися глазами – такими нарядными, со сверкающим рисунком на тёмном фоне она их не видела.

Тимка потянулся за теми самыми щипцами с круглыми губками, что вчера так удивили Кузьму. Несколько аккуратных движений, и две откушенные от мотка проволочки изогнулись аккуратными подвесными крюками.

– Ловко, – Кузьма повертел в руках щипцы, названные Тимофеем круглогубцами. – Это ж сколько надо инструмента, чтоб на каждую работу свой был?

– А что, Евлампия, зарядка уже закончилась? – от чуть насмешливого властного голоса Елька, подпрыгнув на табурете, соскользнула на пол и, казалось, подумывала, чтобы спрятаться под столом.

Тимка обернулся. У входа, чуть прислонившись к косяку, стояла высокая женщина, наряженная в платье того же самого странного покроя.

«У них что, все бабы так одеваются? Вон и Ельку под мальчишку вырядили. Хотя та бабища, Верка, кажется, вчера оделась по-человечески. А может, у них

боярыням так положено?»

Тимка оглянулся на забывшую дышать Ельку.

«Точно, боярыня. Вон, стоит и меня разглядывает, а про девчонку вроде как и забыла. Ага, как же!»

Тимка все хитрости наказующей длани мастеров изучил собственной задницей, так что...

«Интересно, драть будут? Вряд ли... Елька девчонка и одета тоже странновато, значит, не из простых. Меня драть не за что, разве что мог дорогую вещь запортить. Ну, так не запортил же. И потом, я не сам, а с разрешения Кузьмы. А Кузьма... Он Кузьма Лаврович, таких не дерут. Значит, просто влетит. Причём только Ельке».

– Это и есть вчерашний найдёныш? Кузьма, что ж ты порядок нарушаешь? Его сначала Юлия должна осмотреть, а ты его сразу к работе приставил. Да ещё голодного! – боярыня внимательно изучала Тимку, как будто прикидывала: ну и что мне теперь с тобой сделать?

«Ой, влипли...»

Ситуацию, когда деда обратился к одному, спрашивает с другого, а смотрит на третьего, Кузнечик не любил больше всего, поскольку означала она только одно: влетит всем. Выход-то Тимка из неё знал, но раскрывать рот ой как не хотелось – прогонят ещё, и так неясно, что с ним будет. А в кузне хорошо... С другой стороны, два огромных девчоночьих глаза метались между Тимофеем и Кузьмой и почти в голос умоляли – ну сделайте что-нибудь, ну вы же мальчишки!..

Тимка вздохнул. Выход тут один – вину должен взять тот, кто ну нисколечки не виноват. И чем это неожиданней, тем лучше. Тогда если и не пронесёт, то не так нагорит.

«Ладно, назвался Кузнечиком, придётся прыгать. Как там папка учил? Надо сделать шаг вперед, тогда противник станет смотреть на тебя и забудет про

остальных».

- Это я... сам... Не знал, что нельзя...

- Что?

Есть! Тётка опешила, теперь надо срочно закреплять успех. Тимка принял свой самый виноватый вид.

- Я не нарочно...

- Что значит - не нарочно? Разве ты что-то негодное сделал?

Негодное? Тимка глянул на серёжки, которые держал в руках Кузьма. Да вроде нет, ничего вышло, вот только что может взбрести в голову кому-нибудь из взрослых, никому не известно, и никакой логикой объяснить это невозможно. Деда, когда это услышал, долго смеялся: «Ничего, когда вырастешь, ты тоже поглупеешь». Тимке хотелось бы верить, что не настолько.

Он опасливо покосился на боярыню. Был бы тут сейчас дед, мальчишка готов бы спорить на что угодно, что он начал бы сейчас разговаривать с кем-то одним. Лично Кузнечик начал бы с младших, с Ельки то есть, тогда всё моментом выплывает. Но взрослые почему-то всегда начинают со старших.

- Кузьма? Что тут у тебя творится? - боярыня Анна определилась с выбором. Ну кто бы сомневался, боярин Журавль тоже всегда так делал.

- Да годное он сделал, ещё какое годное, тётка Анна! Вон глянь, как серёжки починил!

- Какие ещё серёжки?... Чьи это такие? - боярыня откровенно удивилась.

«Вот те на! Неужели не признала?»

Тимка ещё не встречал женщину, которая не узнает своё в любом виде. Бабы, бывало, по осколку определяли, чей был горшок и кто его разбил.

«А может, все-таки напортачили с серёжками-то?»

– Да Анькины это, тетя Ань. Видишь, какие стали теперь? – Кузьма бросил быстрый взгляд на Ельку и вдруг стушевался. – Ну, мы тут... Решили их... Это...

«Уй-й-й, ну кто ж так врёт-то? Не поверит боярыня, вот те крест, не поверит. Эх... всё дело завалил!»

– Серёжка сломалась, мам. Я у Аньки их взяла, померить только. А она взяла и сломалась. Я сюда пришла, чтобы Кузька починил, а его не было. Зато Кузнечик... ой, Тимка, смотри, мам, как хорошо сделал – лучше, чем было. Может, Анька теперь не заругается?

«Во отжигает... Хотя, после Кузькиного провала только и остаётся, что признаться. Не ожидал, что решится. Молодец девчонка, соображает и дух не теряет. С ней – хоть в разведку, эт вам не Кузьма Лаврович. Ну, теперь одна надежда, что с серёжками не напортачил-таки и работа боярыне понравится. Погоди-ка... МАМА? Так Елька что, тоже боярышня, что ли?»

– И впрямь, не сразу узнала, что Анькины... – боярыня опять начала рассматривать Тимофея.

«Чё я, покрашенный, что ли?.. Пусть лучше на серёжки смотрит». – Тимка на всякий случай потупился.

– А что ты скажешь, Кузьма? – обратилась она к племяннику. – Как мастер – оцени работу.

«Вот те и приехали... Баба у пацана про серёжки спрашивает. А тот репу чешет. Ну, я бы тоже чесал от таких-то вопросиков».

– Батя такого бы и не сделал... Кузнечик-то вроде и похоже всё, как он, а по-другому как-то. И инструмент у него свой. Такое знать надо.

Боярыня опять развернулась к мальчишке.

– Кто тебя этому научил?

- Деда...

«Так, Кузнечик, допрыгался. Вот теперь возьмутся и за тебя. Надо производить впечатление».

Тимка подтянулся и одёрнул рубаху.

- Я слышала, дед тоже христианином был? Царство небесное...

Тимка вздохнул, и это не прошло незамеченным. Лицо боярыни смягчилось.

«Может, не прогонят? Возвращаться домой без деда не хочется... Да и нельзя возвращаться-то».

- Ещё чему-то научил? Или только серёжки чинить можешь?

- Учил. И сам делать могу, если есть из чего. Чинить даже сложнее, самому делать проще...

- Ладно, - Анна, прищурившись, глянула на Ельку. - Раз уж тебе Тимофей помог, так и ты хозяйкой себя покажи: в лазарет, к Юлии своди. Потом в трапезную, скажи дежурному, чтоб накормили. Потом... Ну, а потом, если наставник Макар освободится, так он в Ратное Тимофея повезёт, а нет, так пусть при кузне пока побудет. Кузьма, присмотришь? Заодно дай ему чего-нибудь сделать... Пусть покажет, что ещё умеет.

«Дожил! Теперь за меня девчонка отвечает! Вот и делай людям хорошее после этого. Ну, ничего, зато Ельку, кажется, пронесло».

- А потом, доченька, ко мне зайди. Да Анюте скажи, чтобы и она пришла... серёжки-то ей вернуть надобно, - голос боярыни настолько сочился медом, что у Тимофея заломили зубы.

«Эх, не прокатило, а так старались... Баба-то она баба, а с логикой у неё всё в порядке. Даром что боярыня».

Медосмотр прошёл на удивление быстро и без приключений. Елька, без тени смущения рассказывая страсти про то, как проводят осмотр мальчишек, привела изрядно струхнувшего Кузнечика к лазарету. Там и обнаружилась искомая Юлия, стоящая возле крыльца и с удовлетворением наблюдающая, как два дюжих отрока скрутили какого-то болезного, с воем выскочившего из лазарета, и поволокли обратно под кудахтание двух суесящихся вокруг девиц. Болезный при этом почему-то не сводил широко открытых глаз с Юлькиной руки, которой она отработывала странное, но явно режущее движение. Обнаружив рядом Тимку, она деловито уточнила, правильно ли она выполняет подсмотренное вчера движение кистью, потребное для ножа с такой заточкой. Получив краткое пояснение: почему именно так, как рукоять ножа должна упереться в ладонь, и почему указательный палец должен лежать на спинке ножа, а не держать его сбоку, она кивнула своим мыслям. А насчет медосмотра просто пожала плечами и вынесла вердикт: что надо было, она ещё вчера увидела. Ничего не свербит, не чешется? Вот и ступай – к общей трапезе допущен.

Сразу после завтрака Кузнечика перехватил какой-то малец, явно дожидавшийся его у входа в трапезную. Вытянувшись во фронт и чуть не щелкнув каблуками от усердия, бодро отчеканил:

– Отрока Тимофея велено доставить к наставнику Макару! – и, махнув рукой куда-то в сторону, добавил: – Там, на складах он.

Склады оказались здоровенным амбаром, с полками, сплошь забитыми всяким скарбом.

– Получить два комплекта справки, переодеться, ждать наставника, – кратко изложил смысл происходящего посыльный и тут же испарился.

Двое обретавшихся при складе мелких мальчишек сверкнули любопытными глазёнками, прикинули размер, прошвырнулись вдоль полок и шустро собрали две смены одежды. Чего-то шкрябнули на выуженном из стопки листе бересты и придвинули собранный скарб к Тимке.

– Переодеться за загородкой. Грязную одежду – в мешок. Новенький? Тебя куда определили?

– Чего?

– Поселили, говорю, куда?

Тимка малость растерялся.

– В кузню пока...

Мальчишки переглянулись, почесали затылки, а потом приняли решение.

– Значится, на кузню и отнесём. А наставник Макар – вон он, в телеге. Лучше ты к нему иди, а то ему трудно.

Мальчик несмело подошёл к Макару и покосился на деловито спящих неподалеку отроков.

«И чего ему сказать? Вроде как докладываться надо. А как? Ну не кланяться ж в пояс: “Здра-а-асьте, дядька Макар”. И эти, со склада, стоят, лыбятся. Щас скажут – из какой деревни, Емеля...»

Макар, глядя на душевные терзания найдёныша, ухмыльнулся. Надо же, озаботился, как правильно себя поставить. Крепко, видать, вбита в него эта наука, раз в новом месте да среди чужих сама выскакивает.

– Кузнечик? Не стой столбом, давай сюда, – выручил он мальчишку.

Тимка облегчённо вздохнул и запрыгнул на телегу, устраиваясь на соломе позади наставника. Макар оглянулся, покачал головой и похлопал рядом с собой – сюда, мол. Телега тронулась и направилась к воротам, оставляя за спиной любопытствующие рожицы складских мальчишек. Ну, интересно же! Не каждый день цельный наставник сопляка рядом с собой сажает.

За воротами дежурный отрок взял коня под уздцы и, успокаивающе поглаживая по морде, провёл через мостки на паром. Отроки взяли за колесо. Тимка с интересом смотрел, как тяжёлый мокрый канат, степенно роняя капли, взбирался на паром, затем, обернувшись несколько раз вокруг тяжёлой дубовой оси, отжимал из себя остатки воды и неспешно нырял обратно в реку с другой

стороны.

– А покрутить можно?

Отрок зыркнул из-под шлема сначала на Кузнечика, а потом на наставника.

– Не положено.

Тимка смутился.

«Ну и ладно, не больно-то и хотелось. Просто интересно, а они видят, что канат на барабан не ровно подымается, а сбоку. Он же трется сильно, крутить тяжело. Да и смазка у них того... А всего-то надо канат во-о-н через тот столбик перекинуть».

Пожав плечами, мальчик отвернулся. Макар улыбнулся и решил потихоньку начать разговор, ради которого и усадил мальчишку рядом с собой.

– Что, мастер, парома никогда не видал?

– Не видал. У нас мост через реку. И плотина. А на ней такое здоровенное водяное колесо стоит, ещё побольше вашего. И когда крутится, такая сила слышится... Кажется, прицепи – и гору подымет. А у парома... Не столько сила, скорее, воля – вот велено ему на тот берег, и он идет – хоть ты что ему делай.

Паром добрался до другого берега, и Макар, тронув поводья, направил телегу к дороге.

– Ишь ты! Так, получается, у каждой вещи своя сила есть?

– Не знаю. Наверное... Волхв говорил, что вся сила у богов. Вот ветер, огонь, вода или земля – в них сила. Или у человека, но людей тоже боги сделали. Дядька Климентий говорил, что сила только у бога, а остальное – тщета. А папка говорил, что настоящая сила только та, к которой человек руку приложил, а остальная – просто дикая, ничейная она. Вот ветер – могучий, как богатырский конь. Но толку с того коня, пока он по полю носится. А накинь уздечку – так и телегу тащит, и человека несёт. Или вода – колесо вращает, огонь – металл

плавит, а камень – крепость крепит. Это полезная сила. А остальная... не знаю.

– А что, волхв ваш дикую силу приручить не может?

– Ха! Хвалится только. Я ещё ни разу не видел, чтоб он молнию звал железо греть или громами ковал. Правда, из кузни его громыхает знатно. А всё равно старый Дамир мечи лучше куёт. Знаешь, какие делает – узорные, сталь играет, как шёлком укрытая. И по-человечьи куёт – горн да молот. Не, волхв только говорит про силу богов, а сам, когда надо, человечесьей пользуется. Правда, говорят, у вас тут, за болотом, колдунья живёт. Вот она умеет. Давеча вон пошесть наслала. Недаром её Невеей кличут – как одну из сестер-лихорадок.

– Ты про боярыню Нинею, что ль? Ну, нет. Боярыня – бабка сильная, но лихорадку – нет. У неё самой от пошести вся весь вымерла. Да вон её дом, на пригорке. И внучата её там. А старшенькая её в крепость всё время шастает, так что познакомишься.

Кузнечик чуть не подпрыгнул, уставившись на дом, стоявший на пригорке, чуть в стороне от веси, мимо которой вела дорога. Там и правда носилась какая-то совсем мелкая ребятня, которая совершенно не отличалась от любой другой, даже в его слободе.

– И что, она их не съест? А волхв-то стращал...

Макар тихонько рассмеялся в бороду, стараясь, чтоб Тимка не увидел – ещё обидится вдруг.

– Не любит, видать, волхв твоего отца, раз он про силу богов так сказывает.

– А волхв никого не любит, себя только. Ну, и ещё богов немного.

– Сам так думаешь, или отец говорил?

– Отец сказывал, что в заморской стране водится такой драгоценный камень. Жемчуг называется, ну, перл по-нашему. Наши-то перлы мелкие, из речки которые, а заморский бывает очень большой, с орех примерно. Но ценится он ой как дорого. А чтоб заработать, купцы жульничают. Берут шарик стеклянный или

каменный, а то и вовсе песок и подсаживают в жемчужницу. Шарик покрывается тонким слоем жемчуга, а купцы и рады выдать его за настоящий. И деньги, как за настоящий, хотят. Только разница между ними вот в чём: настоящий жемчуг хоть ножом шкреби, хоть напильником дери – он внутри всё равно жемчуг. А поддельный ковырни – а внутри дрянное стекло. А деда как услышал, так и говорит: «Неча за ним далеко ездить, у нас свой такой есть. Вон, волхва и шкрябать не надо, песок так и сыплется. А цену за себя, как за настоящего, хочет».

– Мудрёные сказки твой отец знает. Ученый, видать, человек. А что ты с ним не остался?

– Пропал он. С боярином Журавлем уехал, и не видели его больше.

– Сгинул?

– Пропал. Он вернется. И обязательно меня найдёт. Он обещал, что всегда вернётся.

Макар задумался, наступила неловкая пауза.

– Вот что, Кузнечик, давай-ка мы с тобой поохотимся. Зайцев вокруг много, подстрелить-то я могу, а забрать, сам видишь, мне трудно. Отец Михаил деда твоего похоронит, конечно, только вот негоже к нему без гостинца ехать. Я подстрелю, ты подберёшь. Сам монах только постным питается, но ничего – отцу Михаилу я с собой рыбки прихватил, а зайчатинной тётку Алёну порадуем...

К тому времени, как подъехали к Ратному, в соломе, за спиной у умотавшегося Тимки, лежали целых два русака, подстреленных Макаром на лугу у леса. Сам Кузнечик, на время позабыв о своих горестях, с увлечением обсуждал третьего косоного, в панике метавшегося по траве, но всё же сумевшего скрыться в подлеске. Макар, улыбаясь мальчишечьему азарту, подогревал его интерес, рассказывая о повадках и хитростях лесного зверья, которое решительно не желало подставляться под стрелу охотника.

– А ты меня стрелять так научишь, дядька Макар?

– Отчего нет. Останешься в крепости – научим, конечно.

Тимка, разом вспомнив, почему он здесь, сразу погрузился. Ну да. Если останется.

– Стрельбами у нас наставник Прокоп ведает. Только тебе, наверное, сначала самострельному бою научиться стоит. Он всё ж полегче, – Макар оглянулся на поникшего мальчишку и поправил ему съехавшую чуть не на нос шапку. – Не переживай, всё хорошо будет.

Телега проехала распахнутые ворота и свернула в какой-то проулок.

– Ну вот, почитай, и приехали. Сейчас с дядькой Аристархом переговорим, и сразу к отцу Михаилу.

Макар остановил телегу перед большим подворьем с добротным тыном. В ответ на стук хмурый холоп открыл калитку, глянул на Макара и без единого слова стал отворять ворота. Макар тяжело спустился с телеги, передал вожжи подбежавшему парню и, поморщившись, чуть оперся на плечо спрыгнувшего с телеги Кузнечика. Мальчишка поднял глаза.

– Ну, пошли, Кузнечик. Будем со старостой знакомиться.

* * *

Староста оказался здоровенным, очень крепким на вид дедом с тяжёлым, чуть придавливающим взглядом.

– Во, кто к нам пожаловал! – Аристарх поднялся из-за стола. – Да ещё не один, а гостя привёл. Здрав будь, Макар. Присаживайся, давай. А это у тебя что за малец?

Тимофей с трудом оторвал взгляд, прилипший к лицу старосты, и вопросительно посмотрел на наставника. Тот успокаивающе улыбнулся.

– Ох, Кузнечик, а гостинец-то дядьке Аристарху мы забыли, – Макар отпустил Тимкино плечо. – А ну-ка, смотайся к телеге, захвати одного зайца, что мы с тобой подстрелили. И скажи холопам, пусть торбу с овсом коню повесят, она там, где-то в телеге лежит.

Аристарх, подняв бровь, с интересом смотрел на Макара. Мальчишка, крутанувшись, шустро двинул на улицу.

– Ну, и что ты мне тут устраиваешь? – донеслось до него, пока он закрывал дверь.

Немного спустя Тимка осторожно поскрёбся в дверь, дождался рокошущего «заходи, давай!» и несмело переступил порог.

– Дядька Макар, так не было овса там, – помявшись, сообщил он, – холопы свою торбу повесили, – Тимка перевел опасливый взгляд на старосту.

– Ну, не было, так и не было. А ты чего зыркаешь? – Аристарх вдруг озорно ухмыльнулся, и тяжесть, ещё секунду назад таившаяся в его глазах, вдруг исчезла без следа. – Садись, раз уж пришёл. Беяна! А ну, принеси гостям квасу. И зайца у мальчика забери, а то он ему сейчас последние уши оторвет.

Тимка отдал зайца вошедшей откуда-то сбоку улыбчивой женщине, шагнул вперед, заколебался и опять с вопросом в глазах посмотрел на Макара. Тот кивнул. Мальчишка аккуратно пристроился на краешке лавки.

– Во как, – Аристарх с любопытством разглядывал паренька. – Молодец.

Вернувшаяся Беяна поставила на стол две миски с пирожками.

– Вот эти – с творогом, а те – с грибами. А ты чего так с краю сел, не дотянешься ведь, – Беяна чуть подтолкнула мальчика ближе к середине. – Этим оглоедам только дай до миски дорваться, только зубами успеешь щелкнуть. Тебе квасу или узвару?

– А нечего зевать, – староста совсем по-мальчишечьи ухмыльнулся и выудил из миски самый большой пирожок. – Давай, трескай, а то и вправду оголодал, пока

доехал.

Мальчик осторожно потянул угощение из ближайшей к нему миски и, убедившись, что Аристарх с Макаром завели разговор о чем-то своём и не обращают на него внимания, расслабился и принялся за еду.

– Эй, Кузнечик, – вопрос Макара застал Тимку посреди третьего пирожка. Он прекратил жевать и вопросительно посмотрел на наставника со старостой. – Да ты не давься, жуй, давай. Я вот чего хотел спросить. Ты вчера сказал, что мой нож – новгородской работы. А определил как? – Макар вытащил свой нож и положил на стол.

Тимка дожеввал, запил узваром, поискал глазами, обо что руки вытереть, обнаружил заботливо подложенную Беляной тряпицу и только потом взялся за нож.

– Такие ножи делали в Новгороде очень давно. Сейчас почти не делают, – мальчик развернул клинок так, чтоб на него падал солнечный луч, пробивающийся сквозь волоковое окошко. – Вот смотри, дядька Макар. Эта полоса на лезвии, на самой кромке, говорит, что нож сварной. У него лезвие сделано из стальной полосы, а щётки навариваются из мягкого железа. Притом полоска стали очень узкая, её почти не видно. А теперь вот тут, у острия посмотри. Видишь, как эта полоска загибается? Так получится, если стальная пластина на всю ширину клинка проложена. Разве что в центре между стальными ещё одну полосу ставят – снаружи её не видно, но нож очень крепкий получается. На вид он вроде как из трёх полос состоит, а на самом деле из пяти: внутри три и снаружи две щётки. Похожие ножи новгородцы в старину делали, сейчас редко кто такие клинки куёт. Кузнецы делают проще. На край железной пластины наваривают полоску стали. У такого ножа полоса пошире будет и не так загибается к острию.

– Ишь ты! – Аристарх достал откуда-то из-за спины ещё один нож и подал Тимке. – Вот такой? А в чём разница?

– А старые ножи покрепче будут, дядька Аристарх, – Кузнечик положил оба ножа рядом. – Старый нож – он весь стальной, а значит, и твердый. А чтоб не сломался при ударе, как раз железо и наварено. Сталь проглядывает только тут, вдоль острия. Железо мягкое, значит, и стачивается оно быстрее, когда им режут что-

то. Вот и выходит, что стальная сердцевина всегда снаружи остаётся. Ты им режешь что-то твёрдое, а нож сам себя затачивает. Его править редко надо, только когда зазубрины появляются. И сломать его трудно – сталь железом прикрыта. Вот потому у него у острия и заточка с обеих сторон идет. Редкий клинок.

Тимка подвинул вперед Аристархов нож.

– Этот нож сделать проще, значит, кузнецу быстрее. И стали в нем меньше. Значит, он дешевле. Вот только сталь у него железом не прикрыта, а потому сломать его проще, особенно если сталь с изъяном. Затачивать его тоже всё время надо, а значит, снашивается он быстрее. А когда стальное лезвие сточится или сломается, то его останется только выбросить... – Тимка взял клинок в руки и провел пальцами вдоль лезвия. – Это неплохой нож, дядька Аристарх, не из дешёвых. А тот – хороший.

Аристарх задумался, заметил, что Тимка прицеливается глазом на ещё один пирожок, подтолкнул к нему миску – жуй, мол. Затем, решившись, направился в угол комнаты, принес оттуда меч, с тихим шелестом вытянул его из ножен и положил на стол.

– Ну, а такие клинки как делаются, знаешь?

Тимка отвлекся от кружки с узваром и взглянул на лежащий перед ним меч.

– Вроде Дамирова работа... а вроде и нет, – мальчишка склонился над оружием, внимательно его разглядывая. – Дамир на свои мечи клеймо не ставит, говорит, их всегда по узору видно. Тут узор покрупнее, а у него ещё как будто лесенка по лезвию идет. Если и Дамиров, то очень старый.

Тимка вытер руки о тряпицу и взялся за меч.

– Делаются такие мечи очень просто и очень сложно, дядька Аристарх. Вот если взять нож наставника Макара, расковать его тонко, потом сложить вдвое-втрое и опять расковать, а потом ещё и ещё... – Тимка старательно рассказывал, явно повторяя чьё-то объяснение. Или как будто урок повторял. – Вот и получится, что если у ножа три слоя, то у меча их, наверно, триста, а может, и поболее будет. Тут я не знаю точно. А трудность заключается в том, что если какие-то слои не

сварились правильно, то внутри такого меча невидимый изъян будет, и меч подвести может. Чтоб непровара не было, для флюса специальное стекло варится. Но самое трудное тут – закалка. У нас такие мечи только Дамир умеет делать, ну, может, ещё сын его. Да и то, раз на раз не приходится. Только это неправильный меч для такой стали, дядька Аристарх.

– Неправильный? И что так?

– Правильно такие мечи делать чуток изогнутыми, на манер сарацинских. Эти клинки, они ведь тоже из мягких и твердых слоев состоят, а значит, и затачиваются сами. А раз узор мелкий, то на лезвии что-то вроде пилы выходит, только зуб тоже мелкий. Таким оружием сподручнее резать, а не рубить. Но этот меч, наверное, для нурман делался, а они прямые клинки любят. Но всё равно такой меч, если правильно сделан, крепче и гибче новгородского выходит.

– Умно, едрён дрищ, ничего не скажешь, – Аристарх покачал головой и убрал меч в ножны. – Ну а сам-то ты что делаешь?

Разговаривать с Аристархом Тимке оказалось просто. Тот задавал интересные вопросы, над которыми надо было поразмыслить, интересовался мальчишечьей жизнью, что очень льстило, доброжелательно выслушивал рассказ о проделках, в которых Тимка даже деду не отваживался признаваться, легко поддерживал беседу, и никогда не хмыкал снисходительно, ссылаясь на возраст мальчика. Чувствовалось, что тайную жизнь мальчишек он понимает и относится к ней очень серьёзно. А вопросы... Вопросы он задавал вроде и простые, а вот ответить на них было не всегда просто.

Видел ли Кузнечик боярина Журавля? Ну конечно, сто раз видел. А вот рассказать, какой он... Журавля Тимка воспринимал как некую данность, что существует сама по себе и ни в каких описаниях не нуждается. Вот как рассказать, какой ветер? Вот так и боярин Журавль, он есть и всё. А бывает он... Ну, как ветер, разный.

Тимка невольно вспомнил свой последний поход к кабинету боярина, что заставило заёрзать по лавке внезапно зазудевшей тощей задницей. Кабинет? Ну, это горница такая, там боярин сидит и кого надо к себе на разговор вызывает. Туда все боятся заходить. Не, Тимка не боялся. Ну, разве иногда, самую капельку. А как не забоишься, когда боярин к себе вызывает, а сам ничего

не спрашивает, только прищурится и смотрит?.. Как прицеливается. Приходится самому выкладывать, всё подряд. Как-то раз они с пацанами в ведро с маслом расплавленную бронзу вылили. Надо ж было посмотреть, что выйдет. Вот дед стекло в воду льет, фрита получается, песок такой стеклянный. А если бронзу? Не, кузница не сгорела. Не вся. И не обгорел никто – ковшик-то на длинной ручке насажен был, не маленькие, чай, осторожность соблюдать приучены.

А за кузню, да, нагорело, полные порты, и не только ему. Вообще, если заводилой какой-нибудь проделки становился Кузнечик, то наказывали всегда меньше, а если всю вину выкладывал честно и брал её на себя, то почти всегда наказывали его одного, и то не сильно. Сообразившие это мастерские мальчишки единодушно приняли его за главного в своих затеях, не оставляя, однако, отдуваться в одиночку в особо тяжёлых случаях.

Пацан? Это такой правильный отрок, который свой в доску, и на него можно положиться, не предаст. А может, и не только отрок, вона, Журавль говорил, что нурманы – правильные пацаны, а они уже старые все. Ты, дядька Аристарх? Ну, наверное... Верить можно, по-пустому не сдашь. Кузька? Важный он какой-то, Кузьмой Лавровичем величается и не покраснеет даже. Хотя он ничего, не задаётся. А вот Федька рыжий и близняшки, вот они – точно пацаны.

Тимка, польщённый дружеским вниманием сильного, уверенного в себе человека, щедро выплёскивал на него все свои секреты, все бродившие по слободе слухи, басни, а то и вовсе сказки.

Где, кроме кузни, ещё любил играть? Ну, пожалуй, в конюшне, где маленьких жеребят держат. Они такие потешные, и бегать с ними всегда весело. Только последнее время мальчишек на конюшню не пускали. А зря, между прочим – у Тимки была пара неслабых идей по её отоплению.

Отроки? Да, все мастерские. Так слобода-то мастерская, там больше никого и нету ну семьи и пацаны ещё, которые из других селищ в обучение привезены. Да, девок тоже привозили, их ткать учат. Отроков разному ремеслу обучают, но в основном по технике.

Техника? Это такие штуки, которые мастера делают. Не, меч – не техника. И молоток тоже. А вот меха на водяном колесе – техника. В дедовой мастерской меха ишак крутит – это тоже техника. Ишак – это так осла зовут. Маленькая

лошадь такая, упрямая, скотина. Помнится, Тимка попытался его заставить по кругу ходить, чтоб без остановок.

Аристарх улыбнулся, заметив, что мальчишка опять поерзал задом по скамейке. В рассказе Кузнечика было много чего-то неясного, а чего именно, староста и сам уловить пока не мог. Так что пусть говорит, может, что выплывет. Аристарх посмотрел на Макара. Тот еле заметно качнул головой – у самого, мол, голова кругом идет, со вчера ещё.

А про коробочку такую, что там стрелка всегда на север кажет? Ну конечно, знает, компас это, деда их и делал, а Тимка помогал, даже два раза. Не, это не техника. Это – прибор. Кажется. Как какая разница? Тимка даже захихикал. Тут понимание иметь надобно: струментом – работают, техника – она сама работает, а прибором померить можно. И вовсе эти словечки не мудрёные – все так говорят.

Учиться, да, тяжело. Весь день и учатся. Какие-то уроки все вместе учат – чтение, письмо или там математику. Это всем надо, даже из лешачей слободы лешачата на полдня приходят. Вот эти закорючки, как на ноже? Ну да, числа и есть. А что, и другие бывают? Ну, так теми только в письмах писать. А считать – числами. А после уроков все расходятся по мастерам, ну, кто к какому делу приспособлен, тот у того мастера и учится. А лешачата к себе – но подраться всё равно успеваем. Не, не сильно. А вот нечего задаваться.

Сам Кузнечик учился у многих мастеров, почти у всех понемногу. Но больше всего – у деда, и у отца ещё, когда тот дома был. Ещё Фифан учит, но тот почти всегда с дедом работает. Фифан – он аж из самого Царьграда. Ну, вообще-то он Феофан, так Фифан же легче выговаривать. Боярин его Феофаном Греком дразнит и смеется, а Фифан злится, хотя он и взаправду грек. Рисовать учит и резать по дереву ещё. Учёный муж. Алхимик. С придурью только. Чем алхимик занимается? Ну, этого точно вообще никто не знает. Видел, что спирт делает, говорит, для спиртовок, а сам пьёт. Тимка поморщился. Угу, вот так, как в этой фляге, и воняет.

Взрослые? Учатся, конечно. Лешаки, к примеру, всегда около слободы тренируются. Лешаки – это вои такие, они всегда в лесу воют и прятаться горазды. У них ещё одежда такая, ну, из лоскутков, как из листиков, сшитая. Прошлой осенью бабы матерьял луковой шелухой красили, так такая одежда получилась, что в осеннем лесу ни в жисть не разглядишь. Смотришь – куст-

кустом, пока не споткнешься об него, так и не поймешь, что человек живой.

А учёба ихняя – это смех один. Вона, прошлым летом они тренировались реку фоль... фор... Перебираться через реку, в общем. И чего там учиться-то – плавай да купайся. Они почти что цельный день так и делали. Эт тебе не молотом махать, пацаны на такую учебу все как один обзавидовались. А чего у нас учатся? Так живут они через реку, там и слобода ихняя. Ну, и нашу охраняют. И пацаны ихние у нас часто бывают. Они нам свистульки делают, ну, такие, чтоб птиц подманывать. А мы им зимой на коньках кататься даем. Коньки? Ну, это такие штуки, на ноги цепляются, чтоб по льду на речке быстро бегать. Весело. Ещё лыжи бывают. Это как полозья от саней, тоже на ноги цепляются. В них по снегу бегать можно. Не, в снегоступах с горки не покатаешься.

Христиане в слободе есть, да, почитай, половина мастеров христиане. А мастер Дамир с сыном так и вовсе Магомета чтят. Волхв злится, а Журавль сказал – пусть. Он мастеров никогда не обижает. Это Тороп, гнида, на него наговаривает – и что девок ему в крепость посылают, и что людей боярин в подвале мучит. Брехня это – что, Тимка дядьку Журавля не знает? Ну да, дядька, все слободские пацаны его так кличут. А другим нельзя, только мы. И про подвалы брешут, Тимка их все излазил, ничего там интересного нет, бумаги только. Ну да, на Горке которая, крепость-то. И ничего она не каменная, обложена только. Вот подвалы да, каменные, потому сухие, а горницы – ну разве ж нормальный человек среди каменючья жить станет? Так то ж греки, у них всё не как у нормальных людей.

Чего? Почему Тороп гнида? А деда говорил. Тороп вообще никакой не главный, просто, когда Журавль уехал, его в охрану поставили, вот и важничает, нос дерет. Ведет себя, как будто думает, что боярин не вернётся и ему не задаст.

Мамка у Тимки умерла, он ещё маленький был. Он её почти не помнит, но очень скучает. Как скучает, если не помнит? Вот потому и скучает, потому что не может вспомнить. У всех мальчишек мамка есть. Когда надо – поплакаться можно. А когда и взгреет, ну так Тимка не боится, он всегда честно терпел за всё, что натворил. И даже у пацанов из других селищ, которых от родителей забрали, мамка всё равно есть. Где-то там, но есть. Где папка, Тимка не знает. Он всегда с Журавлём уходил куда-то, и всегда надолго, а однажды просто не вернулся. Нет, ему не говорили, что случилось, сказали – позже, когда подрастёшь. Обидно, конечно, но это, наверное, пока не его тайна. Но ни тризну не правили, ни панихиду не служили, так что Тимка уверен – встретятся.

Жил Кузнечик с дедом в слободе. Ездили куда редко, в крепость на Горке да в храм Сварогов. В крепости деда часто бывал, он над слободскими мастеровыми старшина, а в храме работали. Грех, наверное, но если храм рухнет и людей похоронит, так это ещё больший грех. Храм да, здоровенный.

Отчего из слободы ушли? Этого мальчишка не знает. Деда наместни в остроге у нурман по делам был, а днем лешаки приходили, они с дедом долго шептались. Деда тревожный весь день ходил, а вечером сказал «собирайсь», и они ушли. Тимка сумы и собирал, как деда и сказал – самое главное, инструмент, который редкий, и что унести можно. А еду не, не брали, её старший лешак принес, Медведем зовут. Так он Тимку с дедом до самого болота, почитай, и провёл. Шли не по дорогам, лесом в основном. Ну, ещё иногда на лодке, если по речке.

Лодки своей нету Медведь у местных брал у кого-то, а потом оставлял, где надо. И еду у местных иногда. Почему иногда? А у лешаков по лесу заначки раскиданы, в дуплах. Бывает, и прикопаны. Заначка – это такая схованка, где лешаки харч прячут. Оно удобно выходит, когда цельный день в лесу, не надо в село идти: открыл заначку и съел. Там, конечно не каравай из печи, но сухари и сушёная рыба, а то и копчёное мясо всегда были. За схованкой кто-то из местных охотников смотрит. Он и заначку пополняет, у него и остановиться можно, если надо. Нет, у местных не останавливались, лесом шли. Откуда знает? А пока шли, Медведь деду рассказывал, а Тимка слышал.

К кому шли, Тимка не знает. Лешак через болото на плоту перевёз, сказал, дальше сами, он не пойдёт. На случай, если не сложится чего-то, пусть возвращаются, евоный человек там будет ещё две седмицы ждать. Не, тропинка нехоженная, Тимка и не увидел бы, если б лешак не показал. А что должно сложиться, Тимка так и не узнал – сразу, как из болота вышли, на них кабан напал, и деда умер. Да, тут деду будет спокойно, спасибо большое, дядька Аристарх. Сам бы он похоронить деда не смог. Ещё никогда никого не хоронил.

Староста чуть задумался, поморщился досадливо, глянул на мальчика и вздохнул.

– Да ладно, чего уж там. Не стоит за такое благодарить. Таки свои – христиане. Вот что, давай-ка ты собирайся, пора тебе идти с дедом прощаться. Вон, тётка

Беяна заждалась уже. Давай иди, мы с наставником Макаром тебя тут подождём.

Тимка выбрался из-за стола, подошёл к Беяне. Та улыбнулась, взяла за руку.

– Не бойся. Идём. Там тётка Алена холопку прислала, сказала, всё готово уже, тебя ждут. А ты как к отцу Михаилу подойдешь, не забудь поклониться и благословения спросить...

Аристарх задумчиво смотрел на закрывшуюся за Тимкой дверь. Макар с остервенением скрёб бороду.

– Не может такого быть! – наставник в сердцах стукнул кулаком по столу. – Вот просто не может! Блаженный он, что ли?

Аристарх отставил кружку с недопитым квасом в сторону.

– А что не так, Макар?

– Да всё не так! – с досадой тряхнул головой тот. – Если человек, пусть даже сопляк, встретившись с первым поперечным, выкладывает ему всё, что про своих знает, так он или врёт безбожно, или ничего не знает, или он блаженный, и не ведает, что творит!

Беспокойство увечного воина было понятно: Ратное, всю свою историю находившееся в состоянии войны всех и со всеми, такой откровенности с чужаками не знало. И уж тем более со стороны только что крепко побитых заболотных.

– Так врёт или не знает?

– Вот и говорю, блаженный он.

– И что, похож?

– В том-то и дело, что не похож. Правильный пацан, говорит? Ни хрена, нет в нем ничего правильного. Чужих он не боится и даже не знает, что бояться надо.

– Ну, так это не первый неправильный пацан, которого мы знаем, – Аристарх ухмыльнулся, увидев ошарашенное лицо наставника. – Да нет, с Кузнечиком как раз просто всё. Матери не знает, отец пропал, деда только что потерял. А тут Мишкины отроки его спасли, не бросили, по-доброму отнесли. Пацаны! В первый же день мастерство его оценили, на второй – боярышне в беде помог. И тут за стол посадили, поговорили, за зайцами побегали. Ему надо к кому-то прибиться. Вот к кому прибился – те и свои. Ну и мы к нему с уважением, как со взрослым говорили. Вот и потянулся он. Потому и говорил, не таясь, не чуял он тут чужих. Его за своего приняли, и он как со своим заговорил. А от тех, которые «свои», он с дедом сюда бежал.

– Всё равно не верю. Ты вон на Мишкиных приёмьшей посмотри, на Матюху особенно. Они вроде и прижились тут, вон, даже родней Лисовиновым заделались, а прошлую жизнь не сильно-то сказывают. Не может быть такого, чтоб малец первому встречному всю свою жизнь выкладывать начал.

– Да Матюха твой жизни хлебнул, ещё мальцом-то. Такое и захочешь, не расскажешь. Шутка ли – выученик жриц Мораны. У таких друзей нет, а у Кузнечика – врагов нет. Ты по разговору послушай. Не научила его жизнь чужаков беречься.

– Ну, ты, староста, завернул. Врагов у него нет! Он что, в раю жил, что ли?

– Может, и в раю. Да только из рая просто так не сбегают. Тем более, от своих... – Аристарх потеревил бороду. – Не о том думаешь, Макар. Ты вот скажи, как он тебе сам по себе?

– Да как, отрок как отрок, – удивился вопросу Макар. – Наивен по малолетству, но смыслён, думает быстро. Объясняется... хм... я тут ему, пока ехали, вопрос задал, так он в ответ целую сказку рассказал. Тут он мастер, девки млеть будут.

– Воин?

– Какой там! Даже не охотник. Зайца битого за уши нёс! У нас сопляки пятилетние пыхтят, но за лапы волокут. Да ты сам видел – ножи держал не как

ударить, а как наточить сподручней, а к мечу, считай, и не прикоснулся.

- И был бы он в Ратном, куда бы ты его определил? В обоз, к Бурею?

- Да какой обоз... - Макар осекся.

- Вишь, как интересно выходит? Кому такой мальчонка мог понадобиться? Ведь не сорняком рос. Почти спалённую кузню, почитай, простили. С ватагой сверстников приучали справляться. Да что приучали - толкали мальчишек к нему, даже тех, кто постарше. Командует Кузнечик - значит, не накажут. И притом так тихохонько делается, что у тех и мыслей не возникает, что без мальчика вообще что-то можно делать. Но ведь не воин он, и близко не воин. И учат его на совесть. Сколько сил потратили! Как он про твой нож расписал - любо-дорого послушать, такое не всякий вой знает. А к мечу только коснулся, в руки не взял. То есть ножи он знает с рук, а мечи - со слов, а значит, слышал он те слова от кого-то.

А когда вырастет, кому он такой, а главное - для чего нужен? Для обоза он слишком умён, слишком хорош, слишком деятелен. Вой из него никакой, и в мыслях у него подобного нет - ни остеречься, ни победить. Мастеровых и прочих челядных так управлять людьми не учат. Боярских детей так не воспитывают, они слово власти с молоком матери впитывают. Все журавлёвские в один голос твердят, что на христиан гонения, а у них в слободе вообще непонятно кто живёт. Что там происходит? Готовят его к чему? Да и вообще - кого и для чего в этом «раю» собрали?

- То-то ты ему меч подсунул. А если бы опознал мальчонка?

- Правильно говоришь. Опознал бы - мог бы замкнуться. Тогда пришлось бы из него вытряхивать всё. И четверти бы не узнали, что он на нас сейчас вывалил. Просто не знали бы, что спрашивать. По лезвию того меча сейчас прошли. Правильно ты подсказал - за стол посадить и накормить.

- Да так вчера и сделали. Только меч он всё равно, почитай, что опознал. На мастера указал. Да и на слободу эту ихнюю, где дед старостой был.

- И опять не о том говоришь. Он среди мастеров жил, которые эти мечи делали. А пятнистые - лешаки эти - мастеров охраняли. И теперь дед с внуком к нам

бежит, некуда тут больше, а лешаки их охраняют по дороге. Улавливаешь?

– Так выходит, лешаки нам эти мечи чуть не с поклоном принесли? Берите, люди дорогие, пользуйтесь? – Макар задумчиво полез в бороду пятерней.

– Почти. Они привели к там того, кто должен был торговаться. Что-то там у них происходит, о чём понятия не имеем. Слобода – целая слобода! – таких мастеров! – Аристарх с силой саданул кулаком по столу. – А мы и знать не знаем, чем они там заняты. И ведь они её тихарят. Нам рассказывали, что раз увели туда – считай, в могилу. Девки морды себе увечили, чтоб их не забрали, а их там ткать учат. И мальчишек – этой ихней... технике, – последнее слово староста разве что не выплюнул. – Мало они на нашу голову шеломов наковали. А ещё что? Да и школа эта... Нашей, ратнинской, далеко до неё, да и в Турове я про такие не слыхал. И не слову Божьему ведь учат. Мастерству! Кого? Смердов?

– А от чего они бежать-то могли? – до Макара начала доходить суть вопроса, который в полный рост поставил перед ним ратнинский староста. – Не могли они от Журавля в бега податься? Вернется ведь скоро?

– Может и так, да только вряд ли. Нет, они там жили – страха не знали, – Аристарх покачал головой. – «Дядька Журавль»! При том, что все заболотные от одного имени его, как курята от хоря, шугаются.

– И ещё, вой этот, лешак. Он же Журавлёв воин, так? И из лучших, верно? Зачем его воину выводить к нам старосту Мастеровой слободы, не одного, а с внуком, да ещё и тайно?

Аристарх медленно кивнул. Кто-то, пока боярина нет, забрал старшину его мастеров, переправил через болото и направил в Ратное. И этот кто-то намерен ждать на краю болота две седмицы. Кто-то хотел передать ратнинцам что-то очень важное, и кто-то будет ждать разговора. И именно его, старосты, работа заключается в том, чтобы этот разговор состоялся.

– Вот что, наставник, забирай-ка ты этот почечуй ходячий в крепость. Нечего ему тут перед всем Ратным светиться. Присмотри за ним. Рассказчик, говоришь, знатный? Вот пусть и рассказывает, только не все чтоб слушали. А вот ты чтоб ни слова не пропустил. Он нам такого расскажет, не девки – сами млеть будем. Только доверие его не потеряй. Он к нам как к своим отнесся? Вот и нам к нему

так отнестись надо. В Ратном такого не выйдет, как ни крути – чужак он. А вот у вас в крепости можно. Да и ещё, лешак этот... Ждёт он нас на болоте. Вот и проведай его, пусть видит, что поняли мы его. Придём, поговорим.

* * *

К крепости подъехали уже затемно. Тимка, когда понял, что Макар не оставляет его в Ратном и решение это, судя по всему, окончательное, заметно расслабился. По дороге немного похлюпал носом, вспоминая похороны деда, а потом начал задавать бесчисленные «А что? А как? А почему?». Макар, чуток про себя забавляясь, отвечал обстоятельно, продолжая принятую игру во взрослого. Сам спрашивать не стал, Тимкины вопросы рассказывали о нём самом куда больше. Непоседливого и предприимчивого мальчишку интересовало буквально всё: и порядки в крепости, и почему отроки в кольчугах, и чему их учат, и правда ли, что его теперь тоже научат стрелять? От избытка впечатлений, а скорее всего, просто вымотавшись от всего с ним происшедшего, Тимка побегал вокруг телеги, гоняя зайцев, потом забрался обратно и быстро угомонился, закопавшись в солому. Будить его наставник не стал – слишком много всего навалилось на мальчишку, и поспать ему сейчас – самое первое дело.

Перебравшись на пароме через реку, Макар с сомнением посмотрел на спящего в телеге Кузнечика. Нет, конечно, если отвезти его в крепость, там пристроят, но уже отбой, а значит, и самому задержаться придётся, пока мальчика с рук на руки сдаст. В кузню его снова вести ночевать отчего-то не хотелось – поспать бы мальчишке по-людски, намаялся же... Сам он всё равно собирался сегодня на посаде заночевать – Верка, небось, уже заждалась. Макар прищурился на нагло развалившуюся промеж облаков луну и направил телегу к недостроенной пока усадьбе на посаде, решив забрать мальчика на ночь к себе в дом.

Верка появилась в дверях при скрипе открывающихся ворот, но выходить из дому не стала, поджидая мужа на крыльце. Макар не спеша завел под уздцы лошадь, но распрягать не стал. Вместо этого подошёл к телеге, чуток постоял возле неё, о чем-то раздумывая, а потом подобрал уснувшего мальчишку на руки и направился к дому. Верка, пошире распахнув дверь, отошла в сторонку. Порыв осеннего ветра взъерошил и без того растрепанные волосы мальчишки. Кузнечик, не просыпаясь, зябко поежился, посопел и покрепче ухватился за шею Макара, уткнувшись носом ему в плечо. Макар на мгновение замер, пытаясь удержать равновесие на больной ноге.

– А ну, мать, постели где-нибудь, мальчика уложить.

Отступление 2

Питер, закрытая лаборатория Конец лета 20XX года

Максим Леонидович открыл дверь в лабораторию, вошёл и остановился, взглянув на своего пациента. В глубине комнаты, возле самого окна, в инвалидном кресле сидел черноволосый мальчишка, ну, никак не выглядевший на свои девятнадцать лет. Максимум, шестнадцать, и то, если будет очень стараться, изображая из себя взрослого. Парнишка взрослого, впрочем, не изображал, а сидел у окна, внимательно разглядывая предмет, который держал в руках. Профессор закрыл за собой дверь, замок тихо щелкнул. Юноша обернулся, строгие серые глаза внимательно посмотрели на гостя, и лицо, заострённое болезнью, внезапно осветилось улыбкой, как будто лампочку кто внутри включил. Он тронул ручку джойстика и кресло послушно развернулось.

– Вот, возьмите, дядя Максим, – паренёк протянул профессору предмет, который только что рассматривал.

Максим Леонидович неторопливо подошёл, забрал вещь и опустился в стоящее рядом кресло. Кортик был хорош. Строгий, без обилия позолоты, присущей современным декоративным клинкам, он выглядел богато, но совершенно определённо создавался как оружие. Ножны, обтянутые тонкой тиснёной кожей, были украшены стилизованным под древнюю Русь орнаментом, слегка оттенённым золотой проволокой. Такая же проволока еле заметно поблёскивала на рукояти и тем же орнаментом спускалась до середины лезвия из узорчатой стали. Профессор повертел кортик в руках и щелкнул по лезвию, которое отозвалось еле слышным звоном. Максим Леонидович улыбнулся: в семье старого башкира прилагательного «дрянная» применительно к существительному «сталь» не признавали.

– Русь?

– Эkleктика, – отмахнулся мальчишка. – Всякого наворочено. Если вы про древнюю Русь, так тогда таких не было.

– Спасибо Дим, щедрый подарок, – профессор ещё раз взглянул на клинок. – Сам делал? Не жалко?

– Ну, типа сам, – Димка пожал плечами. – Только отец всё равно над душой стоял, да и дед курировал. Это мой первый клинок, я его для себя хранил, на память. А теперь он мне вроде не нужен. Вот, решил вам подарить.

– Эkleктика, говоришь, – профессор внимательно посмотрел на племянника. – И словечки какие знаешь.

– Мама научила, – улыбнулся тот. – Это у неё любимая прическа такая.

– Вообще-то эkleктика – это смешение в одном предмете совершенно разных времён и стилей, – профессор отложил кортик в сторону и взялся за свои очки. – Ваше поколение такой терминологией редко оперирует.

– А что такое время, дядь Максим? – Димка тут же воспользовался шансом перевести разговор на интересующую его тему.

– Не знаю, – неопределенно пожал плечами профессор. – Да и никто не знает.

– Ну, я слышал, что время – это четвёртое измерение. Во всяком случае, очень похоже. Только непонятно, почему мы можем двигаться по времени лишь вперёд.

– Хм... Если так рассматривать... – Максим Леонидович задумался. – Если хочешь понять что-то очень сложное, сведи к простому. Например, возьми какого-нибудь жучка, который живёт на плоскости. Тогда ты можешь представить наше третье измерение в различных для него вариантах. Вот, к примеру, видишь, на потолке паучок?

Димка глянул на жирнющего паука, примостившегося в углу, и кивнул.

– Это Коша, один из наших самых ценных сотрудников, – улыбнулся профессор. – Он помогает нам размышлять.

Димка хихикнул.

– Смотри, его мир – это плоскость. Он живёт на плоскости, двигается на плоскости, кормится на плоскости.

– Но он же может перебраться на стену? – возразил Димка.

– Может. Но это будет просто другая плоскость, а угол между ними – просто эффект кривизны пространства. А вот теперь представь, что паучок сорвался? Что будет?

– Ну, вниз полетит... Ага, – сообразил Димка, – он будет двигаться по третьему измерению только в одном направлении.

– Верно, и изменить это направление он может лишь в том случае, если имеет специальные органы – например, крылья или специальные приспособления.

– Ага, а поскольку органов у нас нет, то вы пытаетесь сделать приспособления.

– Тут всё сложно, Дим. Вот, к примеру, паук, который живёт на потолке, силу третьего измерения ощущает одним образом, который на стене – другим, который на подоконнике – третьим. У каждого из них своё ощущение пространства и сил, которые в нем действуют. У них разное понятие об устройстве Вселенной. Даже логика у них разная. Для одного прыжок – смерть, для другого – риск, для третьего – обычный способ охоты.

– Как там твои анализы? – после паузы спросил задумавшегося паренька профессор.

– Да как... – Димка поморщился от внезапно накатившей боли и поёрзал в кресле, пытаясь расслабиться. – Три месяца они мне обещают.

– Немного, – профессор спрятал очки в карман и посмотрел на племянника. – Значит, времени нам с тобой терять нельзя.

Глава 3. Тревога

Михайловская крепость. Край болота между Ратным и землями Журавля. Начало сентября 1125 года

Чья-то сильная рука встряхнула Кузнечика за плечо, выдёргивая из сна, как репку из грядки. Тимка чуть не подскочил на постели и ошалело захлопал глазами.

– Поднимайся, парень. Только быстро, – Макар прислушался к тревожным ударам в било, проникавшим через открытую дверь.

– А? Что? – не проснувшийся до конца Тимка попытался сообразить, где он сейчас находится. Казалось, вот только заснул в телеге, а тут на тебе – незнакомая изба откуда-то взялась, да и вообще, утро уже.

– Не знаю ещё, так просто тревогу не поднимают, – Макар поскреб бороду, раздумывая, что делать с мальцом. – Вот что. Я сейчас с дядькой Андреем в крепость отправлюсь, а ты тут тётке Верке помоги собраться. С ней в крепость и придёшь.

Мальчишка быстро оделся, поскакал на одной ноге, натягивая не вовремя заартачившийся сапог, и выскочил во двор. Макар, о чем-то коротко переговорив с воином, сидевшим в остановившейся у ворот телеге, которой почему-то правила совсем молодая баба, подсел к нему. Кивнул на Тимку стоявшей тут же Верке. Воин, видимо, как раз тот самый дядька Андрей, скользнул по мальцу ничего не выражающим взглядом и молча хлопнул по плечу женщину. Та переглянулась с Веркой, коротко улыбнулась Тимке и тронула поводья.

– Тима? Тимофей! – негромко окликнула мальчика Верка. – Пошли в дом. Я сейчас кое-что из вещей соберу да холопам скажу, что надо, а ты выноси узлы во двор, к нашей телеге. Холопы их сами уложат.

Собрать всё нужное оказалось делом не скорым. Обычно громогласная, хозяйка неожиданно тихо, вполголоса указывала помогавшей ей холопке, что и куда

нужно упаковать, Кузнечик вместе с Митяем, её сыном, мальчонкой лет девяти, волокли тук во двор, а там его подхватывал ражий детина, видимо, глава холопьяго семейства, и аккуратно укладывал в телегу. Митяй сопел, пытаясь волочь немаленькие узлы, посверкивал на Тимку любопытным взглядом, но разговаривать не пытался. Разве что, получив от отца подзатыльник за уроненный на ногу тук, старался держаться к Кузнечику поближе, окончательно признав его за старшего в нелёгком деле погрузки хозяйского добра. Впрочем, дожидаться окончания сборов Верка не стала. Убедилась только, что всё будет сделано, как следует, и велела холопам сидеть наготове – ждать, пока какой-то дед Семён скажет всем в крепость ехать. А сама вместе с Тимкой поспешила к крепостным воротам пешком. Впрочем, идти было недалеко – Тимка даже оглядеться толком не успел.

За воротами, по Тимкиным представлениям, происходило что-то вроде столпотворения. Впрочем, суеты особой не наблюдалось, просто казалось, что во дворе крепости собрались все её жители. После Веркиного «погодь тут» Кузнечик остановился и с любопытством начал присматриваться к колонне оружных отроков, что выстроилась перед воротами, держа под уздцы коней. Попытавшись разглядеть знакомых мальчишек, тех, что привели его с болота, он подошёл ближе, и это не осталось незамеченным.

– Стой! Кто таков? Что тут делаешь? – резкий окрик заставил Тимку попятиться назад. Занятые своими делами отроки оглянулись на окрик.

– А-а, Кузнечик. Оставь его, Дёмка! – откликнулся знакомый голос Кузьмы.

– Найдёныш твой? – тот, кого называли Дёмкой, скривился. – Ну и разбирайся с ним. Нечего ему тут...

Кузьма снял шлем и властным движением передал его стоящему рядом отроку. Подошёл к Тимке, посмотрел в глаза. Мальчишка окончательно растерялся. Знакомого ему Кузьки, который заглядывал ему через плечо давеча вечером, не было. Был молодой воин. Командир, которого безоговорочно слушались закованные в броню отроки. Кузьма Лаврович.

– Ты, Тим, не стой тут, – Кузьма взял Тимку за плечо и потянул куда-то в сторону. – Не дело это – на пути конных стоять. Ты с кем пришёл?

– С тёткой Верой, – Тимка сглотнул. – А вы уходите?

Кузьма кивнул.

– Ляхи к Ратному идут. Вернёмся... – он задумался. – Не знаю, когда вернёмся. Ты, пока нас нет, за кузней присмотри. Просто чтоб порядок был.

В голосе Кузьмы не прозвучало просьбы, но и приказа тоже – приказы Тимка понимал хорошо. Скорее, там слышалось просто утверждение, что это должно быть сделано, и случись иначе – это будет неправильно.

Мальчишка кивнул.

– Ну и хорошо. А пока тётку Веру жди, где велено – раз уж ты при ней. Потом скажут, что делать, – Кузьма, не прощаясь, развернулся – Идём, Дём.

– А справится? – от уходящих отроков до Кузнечика донёлся голос Демьяна. – Там же у тебя целое хозяйство.

Кузьма пожал плечами.

– Должен.

Тимка закрутил головой, выглядывая в толпе Верку, но тут кто-то хлопнул его по плечу. Мальчик испуганно повернулся. Прямо перед ним стоял высокий воин, в котором Тимофей узнал дядьку Андрея, с которым утром уехал Макар. Ничего не выражающие глаза смотрели с застывшего, похожего на маску лица, а взгляд такой, что к земле давит. Тимка поёжился. Удовлетворившись осмотром, Андрей мотнул головой куда-то вбок, иди, мол, за мной, и направился в глубь крепости.

Тимка только тут заметил, что Андрей то ли ранен, то ли болен – воин шагал тяжело, опираясь на палку, да и держался скованно, хоть и прямо, словно ещё одна палка к спине привязана. Вероятно, поэтому утром и правил не сам, а бабу посадил. Зато и привёл он Тимку в знакомое место – к кухне, которую Кузнечик узнал сразу, несмотря на то, что вчера и позавчера был тут в темноте. Впрочем, ошибиться и так было трудно – витавший вокруг запах живо напомнил Тимофею, что последний раз он чего-то съел ещё у дядьки Аристарха. Живот согласно

буркнул, типа старого добра брюхо не помнит, и начал подталкивать мальчишку к месту, где готовят такие вкусности, заставляя ускорить шаг. Возле входа собралось несколько баб, среди которых мальчик узнал и жену Макара. Верка, увидев Кузнечика, облегченно вздохнула. Подтолкнув Тимку к бабам, Андрей указал на него кнутовищем, а потом махнул им в сторону Говорухи.

– Твой? Забирай! – перевела жест стоящая среди баб молодая женщина, что правила утром телегой.

«Немой он, что ли?»

Тимка покосился на Андрея и тут же понял, что, похоже, и правда – немой. Да и поведение присутствующих, нисколько не удивившихся, что за Андрея говорит его женщина, подтверждало эту догадку.

– Так это, что ль, твой Тимка и есть? – хмыкнула между тем баба, что стояла в дверях кухни. – Говорила я тебе – никуда он у нас тут не денется.

– Тимофей! – Верка уперла руки в бока и от того опять стала напоминать бабищу, которой она ему представилась в первый раз. – Тебя где носит? Я ж сказала на месте стоять?

«Так, а вот тут я влип – сказано же было не уходить. Да и не прав я: оно и в самом деле – как потом найти? Так я вроде на чуть и отошёл, а тётка Вера искала? Некрасиво вышло. И как теперь выкрутиться? Врать-то неохота...»

Тимка виновато потупился.

– Мне Кузьма велел за кузней присмотреть, – мальчишка покосился на Андрея...

Тот, ничуть не изменив выражения своего лица, кивнул.

Верка что-то пробурчала ему в ответ, но тут же сменила гнев на милость и вздохнула:

– Голодный? Давай на кухню.

За столом, куда усадили Кузнечика, деловито и сосредоточенно трескали кашу давешние мальчишки со складов. Молча кивнув на Тимкино «здрасьте», они продолжили шустро работать ложками, всем своим видом намекая, что по сторонам клювами щелкать не стоит, кашу можно и не успеть, а следующая когда ещё будет. Тимка, глянув на такое дело, решил на всякий случай последовать молчаливому, но от этого не менее мудрому совету, и тоже взялся за еду.

Когда ложки уже заскребли по дну, на лавку возле их стола тяжело опустился Макар. Мальчишки, увидев его, попытались подскочить, отодвинув миски в сторону. Кузнечик недоумённо переводил взгляд с ребят на Макара, пытаясь сообразить, чего это те вдруг вскинулись и что делать ему. Увечный воин поморщился, вытягивая натруженную ногу, и махнул, сидите, мол. Мальчишки сели, не сводя глаз с наставника, но за ложки не взялись. Тимка тихохонько, чтоб не дай бог не клацнуть, положил свою в миску.

– Ляхи в Княжьем погосте. Говорят, побили там народу. Сейчас расползлись по округе. Каких-то видели по дороге к Ратному, – сообщил наставник полагающиеся им знать новости. – Младшая стража ушла в Ратное. Сюда дойти не должны, а в Ратном.... В Ратном всё может быть. Вы двое сейчас на склады. Филимон сказал, что к нам сюда детишек и баб отправят, так что готовьтесь. Илья ещё там подскажет, что делать. Теперь ты, – воин перевёл внимание на Кузнечика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/nikolaec_evgeniy/sotnik-kuznechik

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)